

Том 2 (3)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Казанского юридического института МВД России

Редакционный совет

д.ю.н., профессор **Номоконов В.А.**
(Дальневосточный федеральный университет)

д.ю.н., профессор **Юзиханова Э.Г.**
(Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)

д.ю.н., доцент **Агапов П.В.** (Академия Генеральной прокуратуры РФ)

д.ю.н., доцент **Рогова Е.В.** (Восточно-Сибирский институт МВД России)

ISSN 2541-8262

электронный
научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор: Ф.К. Зиннуров

Корректоры: О.Н. Хрусталева,
Н.А. Климанова

Дизайн, верстка: Г.А. Гиниятуллина

Перевод: Е.В. Зотина

Периодичность выхода журнала –
2 раза в год

Журнал входит в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 25 августа 2016 г. Регистрационный номер Эл № ФС 77-66976

2017

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент
Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического
института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук,
доцент **Миронов С.Н.**, заместитель начальника КЮИ МВД
России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор **Казанцев С.Я.**, профессор
кафедры криминалистики

д.ю.н. **Алиуллов Р.Р.**, начальник кафедры адм. права, адм.
деятельности и управления ОВД

д.с.н., профессор **Комлев Ю.Ю.**, профессор кафедры
философии, политологии, социологии и психологии

д.э.н., профессор **Хадиуллина Г.Н.**, профессор кафедры
экономики, финансового права и информационных
технологий в деятельности ОВД

д.пед.н., профессор **Чанышева Г.Г.**, профессор кафедры
криминологии и уголовно-исполнительного права

д.ю.н., доцент **Андреев М.В.**, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин

к.ю.н., доцент **Гарафутдинов М.Р.**, заместитель начальника
института по учебной работе

к.филос.н., доцент **Фаткуллин Ф.Ф.**, начальник кафедры
государственно-правовых дисциплин

к.ю.н., доцент **Шалагин А.Е.**, начальник кафедры
криминологии и уголовно-исполнительного права

к.пед.н., доцент **Хрусталева О.Н.**, начальник редакционно-
издательского отделения

© Казанский юридический институт МВД России.

Редакционно-издательское отделение

Адрес: 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128
email: vestnikkui@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю.

Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность 4

Демидова-Петрова Е.В.

Специфика преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в Российской Федерации 13

Шевко Н.Р., Исхаков И.И.

Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях 19

Усманов И.М.

Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних осужденных к лишению свободы 23

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Кабиров Д.Э.

Роль философии в становлении мировоззрения курсантов образовательных организаций системы МВД России и условия его формирования 28

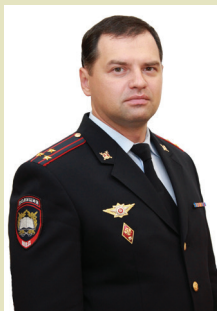
Старостин В.Г.

Формирование осознания значимости будущей профессии – следователя МВД России 34

Сироткин Ю.Л.

Образ человека в общественном сознании российской империи рубежа XIX – XX вв. 38

УДК 343.326

Шалагин А.Е.

Гребенкин М.Ю.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM: HISTORY AND MODERNITY

В статье отражены исторические аспекты проявления экстремизма и терроризма в России. Анализируются причины и условия экстремистской (террористической) деятельности, личность преступника. Показаны криминологические особенности таких преступлений, их общественная опасность. Предложены меры, направленные на предупреждение, выявление, пресечение рассматриваемых уголовно наказуемых деяний.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, профилактика, противодействие, предупреждение виктимного поведения, личность террориста, экстремистские материалы.

The article describes historical aspects of extremism and terrorism in Russia. The causes and conditions of extremist (terrorist) activities, the identity of the offender are analyzed. Criminological characteristics of such crimes, their danger to the public are shown. The measures aimed at the prevention, revealing, suppression of criminal acts are proposed.

Key words: extremism, terrorism, prevention, counteraction, prevention of victim behavior, the identity of the terrorist, extremist materials.

В истории прослеживается тесная взаимосвязь радикальных идей с экстремистской деятельностью, главные признаки которой - призывы и стремление к насилию, возбуждение ненависти, вражды или унижение достоинства в связи с принадлежностью к определенной группе людей (национальной, религиозной, политической, идеологической, расовой, социальной) [1, С. 23]. Терроризм представляет

собой крайнюю форму экстремизма.

Экстремистские проявления были известны в различные исторические периоды России: опричнина Ивана Грозного, гонения Петра Великого на «раскольников», крестьянские бунты под руководством С. Разина, Е. Пугачева. Однако можно утверждать, что в России политический (т.е. прямо связанный с переделом государственной власти) экстремизм поя-

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Гребенкин Михаил Юрьевич, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

© Шалагин А.Е., 2017

© Гребенкин М.Ю., 2017

Статья получена: 14.03.2017. Статья принята к публикации: 17.03.2017. Статья опубликована онлайн: 29.03.2017.

вился намного позже, чем в европейских странах [2, С. 37].

Радикальные, экстремистские политические идеи стали широко распространяться в России в связи с отменой крепостного права (1861 г.). Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, журнал «Современник» способствовали их популяризации в обществе, особенно среди студенчества. Первым призывом к террористическим действиям в XIX веке стала написанная студентом П. Заичневским в 1862 г. антиправительственная прокламация «Молодая Россия», которая широко разошлась по стране. Ее появление совпало с грандиозными пожарами в Петербурге, когда летом 1862 г. выгорело несколько кварталов и сотни людей остались без крова, в поджогах подозревали «нигилистов» - сторонников революции. Результатом стали суды над Н.Г. Чернышевским и другими вдохновителями радикальных идей, с последующей каторгой и ссылкой в Сибирь.

Первым актом терроризма в России в XIX веке считается преступление, совершенное 4 апреля 1866 г., когда у ворот Летнего сада в Петербурге в Александра II стрелял Д. Каракозов, но промахнулся. На вопрос царя о причине злодеяния стрелявший ответил: «Ваше величество, вы обидели крестьян!». В 1869 г. С.Г. Нечаев из остатков организации Н. Ишутина создал «Общество народной расправы», написал знаменитый «Катехизис революционера» сбезнравственным теоретическим обоснованием, но перейти к действиям не успел, так как был вынужден бежать за границу. Правительство Швейцарии выдало террориста России как уголовного преступника, он погиб в тюрьме, не дождавшись суда.

В феврале 1878 г. Вера Засулич совершила индивидуальный террористический акт - стреляла и ранила генерал-губернатора Петербурга Ф.Ф. Трепова в отместку за незаконный приказ о телесном наказании арестованного студента. Вскоре С. Кравчинский нанес смертельный удар кинжалом шефу Отдельного корпуса жандармов Н.В. Мезенцову (1878 г.). К факторам экстремистской и террористической

активности того периода следует отнести: разочарование радикальной интеллигенции в готовности народных масс к восстанию, пассивность большей части общества и его слабое влияние на власть, желание отомстить за преследования со стороны правительства.

В 1879 г. самой крупной и сильной революционной организацией стала «Народная воля», она имела сторонников даже в государственных структурах. Острие террора было нацелено на царя, а 26 августа 1879 года Исполнительный комитет «Народной воли» вынес Александру II «смертный приговор» и сообщил об этом публично. Только в ноябре 1879 года народолюбцы трижды устраивали на него покушения, но царь чудом спасался [3, С. 96].

Власть пыталась пресечь нараставший терроризм репрессиями. В 1879 г. было принято 445 нормативно-правовых актов антитеррористического характера [4, С. 17]. В феврале 1880 г. царь учредил «Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», но 1 марта 1881 г. «Народная воля» привела в исполнение свой приговор Александру II. К 17 марта все участники убийства были задержаны. Шесть непосредственных участников подготовки и осуществления убийства были преданы суду и повешены, всего по данному делу было арестовано свыше 400 человек.

«Вторая волна» терроризма в России связана с партией социал-революционеров (эсеров) «Боевая организация», которая начала свою деятельность в 1900 г. Если в XIX веке каждый террористический акт воспринимался как сенсация, то в начале XX в. терроризм стал частью повседневной жизни России. В 1901 г. эсер П.В. Карпович выстрелил в министра просвещения Н. Боголепова в его приемной, через две недели министр скончался. В 1902 г. под видом офицера эсер С. Балмашев проник в помещение Государственного совета и расстрелял пятью выстрелами министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Эсеры в 1903 г. совершили убийства губернаторов

Харьковской губернии И.М. Оболенского и Уфимской губернии Н.М. Богдановича. В 1904 г. самым громким стало убийство Е. Созоновым министра внутренних дел В.К. Плеве, проезжавшего в своей карете около Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге.

И. Каляев 4 февраля 1905 г. на территории Московского Кремля бомбой взорвал московского генерал-губернатора, сына Александра II, великого князя Сергея Александровича за то, что он был одним из инициаторов применения военной силы против участников шествия рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге («Кровавое воскресенье»). В июне 1905 г., всего через три месяца после назначения на должность московского градоначальника, граф П. Шувалов был застрелен в собственном кабинете эсером П. Куликовским.

Кульминацией терроризма стало убийство премьер-министра России П.А. Столыпина в Киеве 1 сентября 1911 г. (последнее из 11 покушений на него). Террорист Д. Богров был одновременно членом эсеровского подполья и секретным агентом полиции, через 10 дней он был осужден к смертной казни и повешен.

В 1912 г. эсеры заявили об отказе от терроризма в связи с изменением политической обстановки в стране после начала работы IV Государственной думы, этому способствовало разоблачение главы их «Боевой организации» Е.Ф. Азефа как секретного агента тайной полиции, что нанесло значительный моральный удар по террористическим группам и привело к их распаду. Террористические акты практически прекратились.

«Третья волна» терроризма поднялась после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. и продолжалась до начала 20-х гг. прошлого столетия. 6 июля 1918 г. в Москве «левыми эсерами» был застрелен посол Германской империи при правительстве РСФСР граф Мирбах. 30 августа 1918 г. в Народном комиссариате внутренних дел Петрокоммуны эсером Л. Каннегисером был убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии

М.С. Урицкий. В этом же году в Москве эсерка Ф. Каплан совершила покушение на В.И. Ленина, в результате которого он получил тяжелые ранения двумя пулями. Эти действия террористов привели к началу ответной кампании «красного террора».

В период проведения «новой экономической политики» 1921–1928 гг. террористические проявления регистрировались редко, но с началом ускоренной индустриализации, а также укрепления личной власти И.В. Сталина государственный террор приобрел массовый характер, особенно после убийства С.М. Кирова в декабре 1934 г. Особого размаха он достиг в годы «большого террора» (1937–1938), когда миллионы граждан были отправлены в Главное управление лагерями (ГУЛАГ) по обвинениям в совершении политических преступлений, впоследствии некоторые были расстреляны. По подсчетам специалистов, за период 1927–1953 гг. было репрессировано от 2,6 до 40 млн человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода.

«Четвертую волну» терроризма связывают со Второй мировой войной. Гитлеровские захватчики применяли массовый террор против партизан, подпольщиков, граждан на оккупированных территориях. В ходе войны возникли очаги террористической активности в Литве, Латвии, Эстонии («лесные братья»), на Западной Украине (ОУН и УПА - Организация украинских националистов и Украинская повстанческая армия). К середине 50-х гг. XX столетия фактически все антисоветские организации, использовавшие террористические методы, были ликвидированы органами МВД и МГБ.

В 60–80 годы прошлого века террористические акты в СССР совершались крайне редко, информация о них не разглашалась. Преступления выражались в угоне самолета за границу с захватом заложников. 15 октября 1970 г. произошел первый захват самолета на территории СССР (террористы отец и сын Бразинскасы угнали в Турцию самолет, следовавший в г. Сухуми). Во время угона погибла бортпро-

водница Н. Курченко. Следует учитывать, что до 1975 г. линейных отделов ОВД на авиационном транспорте не было, специальная техника для досмотра пассажиров и багажа практически не применялась. 8 марта 1988 г. семья Овечкиных (мать и ее дети), участники джазового ансамбля «Семь Симеонов» из Иркутска, захватили пассажирский самолет, выполнявший рейс «Иркутск-Курган-Ленинград». На борт самолета пронесли обрезы, патроны и самодельные взрывные устройства, спрятанные в музыкальных инструментах. Попытка угона не удалась, самолет был посажен на военный аэродром и взят штурмом, при этом погибли 9 человек (включая пятерых членов семьи Овечкиных), 19 человек получили ранения и травмы.

В декабре 1988 г. трое террористов, ранее судимых за бандитизм, во главе с П. Якшиянцем захватили автобус с 30 школьниками и их учительницей в г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ). Они потребовали 2 млн долл. и самолет в Израиль. После приземления самолета террористы были выданы властям СССР. Специалисты насчитывают 92 попытки угона самолетов в данный период.

В 1969 г. армейский офицер В. Ильин, переодетый в милицейскую форму, расстрелял две пистолетные обоймы по автомашине, на которой в Кремль въезжали советские космонавты, ошибочно полагая, что в ней находится Л.И. Брежнев. Погибли водитель и охранник, чудом остался жив космонавт А.А. Леонов. Нападавший был признан душевнобольным. 8 января 1977 г. три члена армянской сепаратистской националистической группы совершили взрывы самодельных бомб в московском метро (на перегоне у станции «Измайловская» погибли семь человек). Впоследствии террористы были осуждены и расстреляны. 7 ноября 1990 г. во время праздничной демонстрации на Красной площади в Москве террорист А. Шмонов стрелял из ружья в Президента СССР М.С. Горбачева, но не попал. Виновного признали душевнобольным.

После крушения Советского Союза

в декабре 1991 г. возникла следующая волна терроризма, которая имела ярко выраженный сепаратистский характер, связанный с восстановлением конституционного порядка и борьбой с незаконными вооруженными формированиями в Чечне, Ингушетии, Дагестане.

14-19 июня 1995 г. 195 боевиков под руководством Ш. Басаева захватили в заложники более 1600 жителей г. Буденновска, которых согнали в местную больницу, 129 человек погибли, 415 были ранены. 9-15 января 1996 г. группа боевиков во главе с Салманом Радуевым захватила около двух тысяч человек в больнице и роддоме г. Кизляр в Дагестане, погибли 78 человек и более 50 были ранены.

В 90-х гг. XX столетия преступления террористического характера стали приобретать религиозно-политическую окраску. Подрывы жилых домов произошли в сентябре 1999 г. в г. Буйнакске, Москве и Волгодонске. Группа из 40 боевиков (половина - женщины-смертницы) под руководством М. Бараева 23-26 октября 2002 г. захватила свыше 900 заложников в здании Театрального центра на Дубровке в г. Москве. В ходе штурма здания все террористы были уничтожены, но 127 заложников погибли от усыпляющего газа. 9 мая 2002 г. в День Победы во время парада в г. Каспийске (Дагестан) в результате взрыва погибли 43 человека, в том числе 12 детей.

Российская Федерация, как и весь мир, пережила масштабные атаки со стороны международного терроризма. Символом беспрецедентной жестокости стал для жителей России теракт, совершенный 1-3 сентября 2004 г. в школе города Беслан (Республика Северная Осетия-Алания), когда погибли 334 человека, из них 186 - дети, свыше 800 были ранены. В ходе спецоперации 31 террорист был уничтожен, при этом погибли 10 сотрудников Центра специального назначения ФСБ России [5, С. 94]. 24 августа 2004 г. террористки-смертницы взорвали в воздухе два самолета, совершавших рейсы из московского аэропорта Домодедово.

В 2010 г. на станциях метро «Лубянка»

**Динамика преступлений террористического характера в России
за 10 лет (2007 – 2016 годы)**

2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
759	642	654	581	622	637	661	1127	1538	2227
	-15,4%	+1,9%	-11,2%	+7%	+2,4%	+3,8%	+70,5%	+36,3%	+44,8%

**Динамика преступлений экстремистской направленности в России
в период с 2007 по 2016 годы**

2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
356	460	548	656	622	696	896	1024	1329	1450
	+29,2%	+19,1%	+19,7%	-5,2%	+11,9%	+28,7%	+14,3%	+28,5%	+9,1%

8

и «Парк культуры» террористки-смертницы произвели ряд взрывов. Смертник взорвал бомбу в аэропорту Домодедово в январе 2011 г., погибли 37 и были ранены 170 человек из России, Италии, Франции, Словакии и других стран.

В Волгограде в 2013 г. смертница активировала взрывное устройство в рейсовом автобусе. 29 декабря 2013 г. в результате взрыва на железнодорожном вокзале г. Волгограда погибли 17 человек. На следующий день в этом же городе произошел взрыв в троллейбусе.

Термин «экстремизм» происходит от лат. *extremus* – приверженность к крайним мерам, действиям, взглядам. Несмотря на то, что экстремистские настроения присущи всем периодам развития человечества, сам термин получил распространение лишь в начале XX столетия. Появление данного термина в российском законодательстве связано с ратификацией Российской Федерации Международной конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Шанхай, 15 июня 2001 г.). В целях реализации данного документа был принят Федеральный закон от 27 июня 2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности».

Российскими гражданами экстремизм понимается достаточно широко: «проявление национальной и религиозной ненависти», «нетерпимость по отношению к от-

дельным этносам и социальным группам», «достижение цели радикальными методами», «насилие, основанное на неприязни к определенным расам, национальностям, политическим решениям» [6, С. 9-10]. Терроризм может рассматриваться как крайняя форма экстремизма.

С экстремизмом и терроризмом взаимосвязаны такие явления, как: 1) **шовинизм** – мировоззрение, основанное на выделении исключительности одной нации над другими; 2) **сепаратизм** – стремление к созданию нового государства, насильственное присоединение отдельных территорий; 3) **ксенофобия** – боязнь, страх, ненависть к чужому народу (иностранцам, гражданам); 4) **радикализм** – бескомпромиссное подчинение каким-либо идеям, взглядам, концепциям, направленным на решительное изменение существующих механизмов государственного управления и социальных институтов; 5) **геноцид** – действия, направленные на полное или частичное уничтожение расовой, национальной, религиозной, иной исторически сложившейся культурно-этнической группы.

Экстремизм и терроризм имеют сходные признаки, которые выражаются в: а) поддержке культа нетерпимости и насилия; б) непринятии инакомыслия, игнорировании чужого мнения; в) создании и функционировании незаконных групп (формирований), насаждающих

8

идеи насильственного изменения конституционного строя; религиозной, расовой, национальной нетерпимости; превосходства одних социальных групп над другими; г) романтизации и мифологизации собственной деятельности; д) беспрекословном подчинении (поклонении) лидеру; е) создании утопических целей, раздаче заведомо невыполнимых обещаний, постановке неосуществимых задач; ж) привлечении внимания к своей деятельности международных организаций и общественности [7, С. 177-179].

Выделяются следующие виды экстремизма:

- расовый;
- националистический;
- молодежный;
- религиозный;
- политический;
- этнический и др.

9 Основополагающим нормативным актом в сфере борьбы с террористической активностью является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35 (в ред. от 6 июля 2016 г.) «О противодействии терроризму». В своей работе Ю.М. Антонян отмечает, что терроризм многолик и разнообразен. Он выражает себя в различных террористических актах политической, идеологической, сепаратистской, криминальной, религиозной направленности. В связи с чем выделяются такие виды терроризма, как: 1) военный; 2) государственный; 3) политический; 4) корыстный; 5) религиозный; 6) криминальный; 7) националистический; 8) «идеалистический»; 9) партизанский [8, С. 383-384].

На официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации размещен перечень экстремистских организаций, запрещенных на территории нашего государства. К их числу относятся: «Национал-большевистская партия», «Национал-социалистическая рабочая партия России», «Русское национальное единство», международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат», «Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Нурджулар», местная организация г. Краснодара «Пит Буль», ме-

жрегиональное общественное движение «Славянский союз», религиозная организация «Благородный Орден Дьявола», религиозная группа «Файзрахманисты», Украинская организация «Правый сектор», «Украинская повстанческая армия» и т.д.

Экстремистские материалы – это предназначенные для обнародования документы, иная информация на различных носителях, призывающая к осуществлению экстремистской деятельности, оправдывающая расовое, национальное, религиозное превосходство, поддерживающая практику военных и иных преступлений, направленных на дискриминацию какой-либо этнической или социальной группы. Экстремистскими материалами могут признаваться: а) тексты песен; б) видео-файлы; в) книги; г) листовки; д) брошюры и иные печатные материалы; е) информационные сообщения в Интернете и т.п. Например, книга Б. Муссолини «Доктрина фашизма», А. Гитлера «Майн Кампф», листовки «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислам», лозунги «Православие или смерть», «Россия для русских» и т.п.

На сайте ФСБ России можно ознакомиться со списком организаций, которые в соответствии с законодательством России признаны террористическими. К ним относятся следующие запрещенные организации: «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад», «Братья мусульмане», «Партия исламского освобождения», «Движение Талибан», «Исламское движение Узбекистана», «Дом двух святых», «Аль-Каида в странах исламского Магриба», «Кавказский Эмират», «Исламское государство».

В настоящий период «Исламское государство» стало серьезной мировой угрозой. Его духовные лидеры придерживаются идеологии крайнего такфиризма (радикального направления в исламе, направленного на устранение «неверных»). После объявления о создании «Исламского государства» его руководители призвали джихадистов со всего мира вступить в свои ряды и принести присягу халифату.

Преступная организация существует за счет выделения финансовых средств частными лицами из Кувейта, Саудовской Аравии, Катара, а также незаконной продажи нефти, захвата чужих территорий, контрабанды наркотиков и оружия, торговли людьми, террористической деятельности [9, С. 303-308].

Среди лиц, совершающих преступления, связанные с экстремистской деятельностью, преобладают мужчины (96%), количественный показатель женщин составил (4%). Данные лица характеризуются более высоким уровнем образования по сравнению с лицами, осужденными за общеуголовные преступления. Наиболее часто такие преступления совершаются в крупных населенных пунктах, с использованием возможностей информационной телекоммуникационной сети Интернет. На момент привлечения виновных к уголовной ответственности 69% не имели судимости.

10

Отличительными чертами экстремистов являются:

- молодежный возраст (16-30 лет);
- показная бравада;
- групповое совершение преступлений;
- насилие, агрессия, жестокость;
- распространение идей расовой, национальной, религиозной нетерпимости;
- вандализм, уничтожение (повреждение) памятников истории и культуры;
- увлечение лженауками, мистицизмом, сектантством и проч.

Выделяют следующие психотипы участников экстремистских групп:

а) *лидер* – организатор (идеолог) экстремистской деятельности;

б) *фанатик* – характеризуется искренней верой и преданностью целям организации;

в) *агрессор* – для такого лица характерны озлобленность, насилие, стремление к разрушению;

г) *игрок* – копирует поведение анархистов и радикалистов, ему присуща жажда риска, азарт, желание самоутвердиться;

д) *попутчик* – участвует в деятельности экстремистской группы (организации) в силу влияния близкого окружения;

е) *подражатель* – от участия в группе стремится получить собственную выгоду (защититься от обидчиков, извлечь денежный доход) [10, С. 29-32];

ж) *пособник* – лицо, содействующее экстремистской деятельности.

Наиболее часто на территории Российской Федерации в экстремистской деятельности проявляют себя: а) скинхеды; б) антифашисты; в) агрессивные спортивные фанаты (ультрасы); г) представители лево- и праворадикальных групп. *Так, ультраправые убеждены в превосходстве одних социальных групп над другими, их идеология нередко выстраивается на основе расизма, национализма, фашизма, ксенофобии. Ультраправые стремятся к изменению существующей системы государственного управления, построению бесклассового общества, основанного на социальном равенстве.*

Для лиц, совершающих террористические преступления, характерна тенденция к экстернализации (поиск источника личных проблем во внешней среде). Им свойственна постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой, игнорирование чувств и переживаний других. Они агрессивны по отношению к окружающим, легко внушаемы, эгоистичны. Хорошо владеют различными видами оружия, имеют навыки обращения с взрывными устройствами и веществами. К числу мотивов террористической деятельности относятся: 1) корысть; 2) желание самоутвердиться; 3) преследование политический, идеологических, религиозных целей; 4) восстановление «социальной справедливости»; 5) дестабилизация общественных отношений; 6) создание панического настроения среди населения; 7) уничтожение или устранение политического противника [11, С. 78-86].

Факторами, способствующими появлению, распространению экстремистских настроений, могут выступать:

- обострение социальной напряженности, рост безработицы, инфляция;
- упущения в сфере образования и воспитания, слабая идеологическая, мо-

10

рально-психологическая, патриотическая работа с подростками и молодежью;

- разрастание околокриминальных явлений, связанных с преступностью (пьянство, наркомания, безнадзорность, увлеченность азартными играми, расизм, национализм, ксенофобия, шовинизм, незаконная миграция) [12, С. 166];

- вовлечение несовершеннолетних в протестные мероприятия, сектантские группы, привитие нетерпимости к существующему конституционному строю, институтам государственного управления;

- преобладание групповой идентичности над личностной, низкий уровень правосознания, изменение нравственных ориентаций в сторону антиобщественных;

- установление контактов с представителями иностранных экстремистских (террористических) организаций, принятие конспиративных мер, вооружение, распространение запрещенной литературы и др.

11

К нормативным правовым актам в сфере противодействия экстремизму и терроризму относятся: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»; «Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года», утвержденная Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753; постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 15 апреля 2015 г. № 139 «О мерах по противодействию экстремизму и обеспечению общественной безопасности»; указ Президента РФ от 26 декабря 2015 г. № 664 (в ред. от 7 декабря 2016 г.) «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму».

Борьба с терроризмом, экстремизмом, их финансированием носит транснациональный характер, выходит за пределы одного государства и более эффективна при надлежащем уровне координации и взаимодействия правоохранительных ор-

ганов и спецслужб России, что будет способствовать получению своевременной информации и проведению упреждающих разведывательных, контрразведывательных и оперативно-розыскных мероприятий [13, С. 95].

К мерам предупреждения экстремизма и терроризма следует отнести:

- разработку и осуществление мероприятий по повышению эффективности профилактики, выявления и пресечения преступлений и правонарушений экстремистской направленности;

- проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию идеологии экстремизма и терроризма, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов [14, С. 166];

- принятие и реализацию федеральных и региональных программ, направленных на предотвращение национальных, конфессиональных, этнических конфликтов;

- взаимодействие государственных и муниципальных органов, институтов гражданского общества, ветеранских и молодежных организаций по недопущению фактов шовинизма, вандализма, радикализма, религиозной нетерпимости;

- выявление и блокировку сайтов, содержащих призывы к экстремистской и террористической деятельности;

- разработку и реализацию мер виктимологической профилактики (определение концепции личной и групповой безопасности населения, проведение разъяснительной работы);

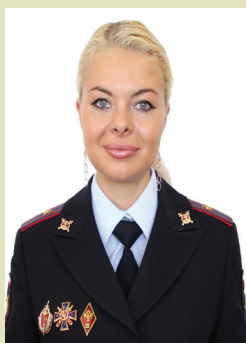
- усиление прокурорского надзора за сбором, накоплением и обработкой информации о нарушениях законодательства в сфере противодействия экстремизму и терроризму;

- изучение и использование в правоохранительной деятельности передового зарубежного опыта, направленного на минимизацию рассматриваемых преступлений и правонарушений.

11

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трофимов Д.С. Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера : аналитический обзор. Саратов: Наука, 2013. 78 с.
2. Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: монография. М. : ВНИИ МВД России, 2008. 114 с.
3. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917). М. : РОССПЭН, 2000. 432 с.
4. Полицейское право : хрестоматия / сост. П.В. Анисимов, В.Д. Симухин; под общ. ред. Ф.М. Рудинского. Волгоград, 2001. 58 с.
5. Кафтан В.В. Противодействие терроризму. М. : Юрайт, 2016. 261 с.
6. Экстремизм и его причины : монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М. : Логос, 2014. 312 с.
7. Криминология : учебник / отв. ред. В.Е. Эминов. М. : Проспект, 2015. 368 с.
8. Антонян Ю.М. Криминология : учебник. М. : Юрайт, 2012. 523 с.
9. Антонян Ю.М. Исследование тоталитаризма : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 320 с.
10. Беликов С.В. Антифа. Молодежный экстремизм в России. М. : Алгоритм, 2012. 256 с.
11. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников : криминологическо-психологический анализ : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 240 с.
12. Шалагин А.Е. Предупреждение социально-негативных явлений, представляющих угрозу здоровью населения и общественной нравственности // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 166-169.
- 12 13. Белоцерковский С.Д., Васнецова А.С., Гуськов А.А., Меркурьев В.В., Соколов Д.А., Паненков А.А. Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 304 с.
14. Криминология. Особенная часть : учебник / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Юрайт, 2016. Т. 2. 311 с.

УДК 343.85

Демидова-Петрова Е.В. СПЕЦИФИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДНОГО ИЗ ВИДОВ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

JUVENILE DELINQUENCY AS ONE OF THE TYPES
OF CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND ITS SPECIFICITY

В статье рассмотрены понятия преступности в целом и преступности несовершеннолетних в частности, представлена авторская типология личности несовершеннолетнего преступника. Автор отмечает, что такая разновидность преступности, как преступность среди несовершеннолетних, всегда вызывает у ученых повышенное внимание, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста, их распространенность не только свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества, но и в значительной мере выступают в качестве прогностической характеристики преступности в целом.

Ключевые слова: криминология, преступность, преступность несовершеннолетних, несовершеннолетний, личность, личность несовершеннолетнего преступника.

This article examines the concept of crime in general, juvenile delinquency in particular, and presents the author's personal typology of juvenile offenders. The author notes that such kind of crime as juvenile delinquency is always in the centre of the great scientist's attention, 'cause the young generation is a natural reserve of social development. Violations of the criminal law by persons of a young age, their prevalence indicate not only the existing shortcomings of education and conditions for the inclusion of the youth in the life of society, but in large measure serve as prognostic characteristics of crime in general.

Keywords: criminology, crime, juvenile delinquency, juvenile, personality, the personality of the juvenile offender.

Проблема преступности серьезно волнует современное общество.

«Преступность» – центральное понятие в криминологии [1, С. 65]. И.И. Карпец в своей монографии «Преступность: иллюзии и реальность», пытаясь дать определение преступности, в конце концов, заключил, что можно было бы найти еще немало определений преступности. Но достаточно. Западные ученые, как

правило, не дают развернутых определений из убеждения в их ненужности или невозможности их дать. Разнобой же в определениях, проистекающий из разных методологических подходов к преступности, очевиден, и нередко определение становится своего рода визитной карточкой ученого, отражающей его основную специальность. Однако палитра определений (а значит, и подходов) впечатляет

Демидова-Петрова Елизавета Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: demidova.liza@gmail.com

© Демидова-Петрова Е.В., 2017

Статья получена: 14.12.2016. Статья принята к публикации: 17.03.2017. Статья опубликована онлайн: 29.03.2017.

разносторонностью [2, С.15].

Л.И. Спиридонов рассматривает преступность как «один из параметров общества, характеризующих состояние социального механизма, рассогласованность между его составными частями» [3, С. 22, 23]. Д.А. Шестаков под этим явлением понимает «свойство классового общества порождать массовое совершение опасных для него деяний» [4, С.105-106]. Однако в этих определениях по существу отсутствуют указания на признаки определяемого предмета и речь идет не о преступности, а ее общих причинах.

Криминология изучает закономерности преступности, в том числе ее характеристики, процессы ее детерминации, причинности, реакцию преступности на разного рода воздействия на нее, разрабатывает пути борьбы с преступностью.

В течение последних столетий по различным проблемам, связанным с изучением преступности, было подготовлено огромное количество научных статей и монографий, в том числе носящих фундаментальный характер (См.: об этом подробнее: Ч. Беккариа (1738-1794) «О преступлениях и наказаниях», И. Бентам (1748-1832) «Введение в основания нравственности и законодательства», «Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении»; А. Кетле (1796-1874) «Социальная система и законы, ею управляющие»; Ч. Ломброзо (1835-1909) «Преступление», «Новейшие успехи науки о преступнике»; Э. Ферри (1856-1929) «Уголовная социология»; Тард (1843-1904) «Философия наказания»; П.А. Сорокин (1889-1968) «Преступление и кара, подвиг и награда»; Р. Мертон (1910) «Социальная структура и аномия»; Э. Сатерленд (1882-1950) «Принципы криминологии»; Г.С. Беккера (1930) «Преступление и наказание: экономический подход»).

В результате серьезной интеллектуальной работы многих поколений криминологов, ученых в области уголовного права и процесса у криминалистов постепенно сформировались современные представления о преступности и ее различных струк-

турных составляющих, которые находят свое отражение в действующем уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве и соответствующей практической деятельности.

Во всем мире, особенно в западных странах, криминологи проявляют огромный интерес к проблеме внутрисемейного насилия. Собственно, с разработки теоретических вопросов генезиса внутрисемейных преступлений в Санкт-Петербурге и получила начало семейная криминология. В последнее время здесь исследуются частные аспекты данной проблемы: внутрисемейные насильственные преступления женщин, убийства матерями своих детей. В свете зарождающейся в мире компаративной криминологии весьма своевременным было бы сравнительное (межрегиональное, межгосударственное) исследование внутрисемейных преступлений [5, С. 9].

Говоря о преступности как о сложнейшем социальном явлении, хотелось бы особо отметить, что такая разновидность преступности, как преступность среди несовершеннолетних, всегда вызывает у ученых повышенное внимание [6]. И это вполне обоснованно, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста, их распространенность не только свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, недостаточности условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества, но и в значительной мере выступают в качестве прогностической характеристики преступности в целом.

По мнению А.И. Долговой, выделение преступности несовершеннолетних позволяет более глубоко изучать ее особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры специального ее предупреждения. Не учитывать криминологически значимых особенностей преступности несовершеннолетних – значит не обеспечивать целенаправленный и дифференцированный подход

в борьбе с ней [7, С. 889]. Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что преступность несовершеннолетних обладает рядом специфических, присущих только ей, характеристик. Их выделение, детальное рассмотрение и изучение предоставит возможность выработки более эффективных мер предупреждения исследуемого вида преступности.

Несовершеннолетние преступники всегда составляют лишь часть контингента преступников, но чем их больше и чем опаснее совершенные ими преступления, тем более очевидно нравственное неблагополучие общества [8, С. 144]. Вместе с тем при рассмотрении преступности несовершеннолетних следует иметь в виду ее целостность как сложного, системно-структурного социального явления, а также диалектическую взаимосвязь и взаимодействие разных ее подвидов (подростков 14-15 лет, 16-17 лет, гендерного различия) [7, С. 889].

Преступность несовершеннолетних имеет ряд отличительных особенностей, которые проявляются в первую очередь в причинном комплексе и мотивации формирования преступного поведения и, как следствие, в ее уровне и тенденциях развития.

Так, следует заметить, что между преступностью 14-15-летних и преступностью 16-17-летних имеется существенная разница, и заключается она главным образом в том, что преступления второй группы могут быть опаснее, чем преступления первой. Конечно, и личность преступника в 16-17 лет уже иная: более опытная в совершении уголовно наказуемых деяний, с более стойкой антиобщественной ориентацией, имеющая прочные связи с преступной средой, в том числе вследствие пребывания в местах лишения свободы, и т.д. [9, С. 146]. В данном случае серьезную роль играет не только круг общения лица, но также и его возраст, так как в подростковом возрасте разница в два-три года является весьма заметной и ощутимой.

В Российской Федерации исследованию данной проблемы посвящены труды

ряда авторов (подробнее: А.С. Автономов, Ю.М. Антонян, З.А. Астемиров, Н.Е. Борисова, В.Н. Бурлаков, С.Е. Вичин, В.Ф. Волохова, А.В. Воробьев, А.И. Долгова, В.П. Емельянов, В.Д. Ермаков, С.М. Иншаков, В.П. Кашепов, В.А. Кирнос, В.А. Колесников, Н.И. Крюкова, Н.Ф. Кузнецова, С.П. Минина, Г.М. Миньковский, Д.А. Шестаков, А.С. Шляпочников, В. Е. Эминов).

Резкое социально-экономическое расслоение общества особенно болезненно воспринимается детьми и подростками. Увеличивающийся разрыв между реальными доходами и привлекательными жизненными стандартами, невозможность достижения последних правомерными способами обусловили интенсивное вовлечение несовершеннолетних даже из относительно благополучных в социальном смысле семей в криминальную деятельность или вызвали высокую степень психологической готовности к этой деятельности [10, С. 771]. Возникают конфликты на почве социально-экономических контрастов, разрешаемые, к сожалению, зачастую криминальным путем.

Кто же такие несовершеннолетние, совершающие преступные деяния?

Несовершеннолетние преступники — это лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основную резерв для взрослой и рецидивной преступности.

По мнению ряда авторов, а именно Ю.Ф. Кваши, А.С. Зайналабидова, А.П. Зрелова, Д.Ю. Тамбовцева, Н.А. Свистуновой, М.В. Краснова, преступность несовершеннолетних объясняется: избранием несовершеннолетними антисоциального образа поведения в связи с неадекватной оценкой обстоятельств и отсутствием жизненного опыта в целях самоутверждения [11]. На наш взгляд, данное определение преступности несовершеннолетних недостаточно полно. Полагаем, что оно не содержит ряд признаков, которые присущи данному социальному явлению.

В узком понимании под преступностью

несовершеннолетних можно рассматривать преступления, совершаемые лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Однако в силу разных причин такое ограничение возраста весьма узко.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, которая развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В силу этого при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики, показатели, а также иные категории. В то же время анализ должен быть направлен на выявление факторов и обстоятельств, значимых именно для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить ее специфику и необходимые меры воздействия.

16

В научной литературе, в частности, по мнению профессора А.И. Долговой, преступность несовершеннолетних представляет собой особый объект криминологического исследования, который рассматривается в следующих позициях:

1) общеправовых – предусмотрены специальные главы в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах, содержащих особенности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, расследования данной категории дел, а также назначения и его исполнения;

2) криминологические – как специфика:

а) преступлений несовершеннолетних (виды, формы, мотивы);

б) личности несовершеннолетнего (т.е. незначительный возраст и период ее формирования, ограниченная дееспособность, динамика содержания социально-ролевых и социально-психологических функций);

в) комплекса причин и условий преступности;

г) результативности мер специально-профилактического воздействия [7, С. 890].

Несмотря на пристальное внимание к

рассматриваемым проблемам ученых и практиков, интерес к ним не снижается.

Преступность несовершеннолетних как социальная проблема продолжает оставаться в центре внимания учёных, государственных и общественных институтов. Это объясняется особенностями подростковой преступности, постоянным изменением социальных условий и законодательства, а также гуманными соображениями, необходимостью оградить подрастающее поколение от вовлечения в противоправную деятельность [12, С. 3].

Негативные процессы, сопровождающие социально-экономические, политические и другие изменения в России, вызвали небывалое обострение криминальной ситуации. Под воздействием микро- и макросреды происходят заметные количественные и качественные изменения преступности несовершеннолетних – основы для воспроизводства общей преступности [12, С. 3].

16

Процессы становления и развития рыночной экономики, демократизации государственной и общественной жизни непосредственно отразились на криминологической обстановке в среде несовершеннолетних.

Преступность среди несовершеннолетних вызывает повышенное внимание, и это вполне обоснованно, т.к. она является своеобразным индикатором социальной ситуации в стране. Этот вид преступности чрезвычайно чутко реагирует на состояние общества [13]. Рост преступности несовершеннолетних, как правило, свидетельствует о неблагоприятных социальных процессах.

Анализ преступности несовершеннолетних, с одной стороны, инструмент выявления криминогенных факторов в социуме, а с другой – база для прогноза преступности в целом.

Криминализация детей и подростков – это криминализация будущего нашей страны. По процессам, происходящим в детской и молодежной среде, мы можем с большой долей вероятности судить о том, каким будет наше общество в перспекти-

ве, в том числе какой будет преступность.

Помимо исследовательских и прогнозистических аспектов изучения преступности несовершеннолетних, есть еще один – гуманитарный. Дети относятся к числу наименее защищенных социальных групп населения. Такое направление воздействия, как профилактика преступности в смысле защиты от нее, защиты от поражения социальных групп «криминальным вирусом», имеет наибольшее значение именно применительно к несовершеннолетним: детям и молодежи [14]. К сожалению, уровень криминальной пораженности данной части населения в современный период достаточно высокий.

Специфика преступности несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних, специфике социального статуса [15]. Установление таких специфических черт, обуславливающих правонарушающее поведение несовершеннолетних, особенности их качественных и количественных параметров, их анализ являются основой для разработки мер предупреждения, ориентированных на применение в отношении данной возрастной группы.

От того, какие перспективы развития в настоящее время будет иметь исследуемая нами проблема, во многом зависят состояние и тенденции преступности в будущем, и даже более широко — нравственный климат в обществе [16].

Нам представляется, что под преступностью несовершеннолетних в России следует понимать социально-правовое,

негативное, общественно опасное, исторически обусловленное, устойчивое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных лицами, не достигших совершеннолетия (восемнадцати лет), на определенной территории, а также за определенный период времени. Данное явление обладает весьма высокой общественной опасностью, так как именно несовершеннолетние лица являются основным резервом пополнения рядов взрослой, рецидивной преступности, а также являются подпиткой организованной преступности.

Необходимо выделить следующую типологию личности несовершеннолетнего преступника.

1) по глубине криминогенной мотивации:

- а) случайные;
- б) неустойчивые;
- в) стойкие;

2) по направленности криминогенной мотивации:

- а) корыстные;
- б) насильственные;
- в) корыстно-насильственные;

3) по социальному положению, социально-демографическому статусу:

- а) имеющие благополучную семью;
- б) имеющие семью, но покинувшие ее вследствие конфликтов;
- в) не имеющие родителей;
- г) имеющие неблагополучную семью (один или оба родителя ведут асоциальный образ жизни, нищета);
- д) занимающиеся бродяжничеством под влиянием родителей и (или) близких родственников;
- е) мигранты, вынужденные переселенцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилинский Я.И. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004.
2. Карпец И.И. Преступность : иллюзии и реальность. М., 1992.
3. Спиридонов Л.И. Социология преступности. М., 1978.
4. Шестаков Д.А. На криминологическом семинаре / Правоведение. 1981. № 2.
5. Криминология – XX века / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000.
6. Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова. СПб, 1998.

7. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
8. Антонян Ю.М. Портреты преступников : криминологическо-психологический анализ : монография / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. М., 2014.
9. Антонян Ю.М. Портреты преступников : криминологическо-психологический анализ : монография / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. М., 2014.
10. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2002.
11. Криминология / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. Ростов-на-Дону, 2002.
12. Кошелева Е.В. Криминологическое изучение влияния социально-негативных свойств семьи на преступность несовершеннолетних : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
13. Селиванова О.А. Психолого-педагогическая реадaptация безнадзорных подростков в условиях открытого социума : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2005.
14. Сморгунова Н.Ф. Предупреждение беспризорности среди детей и подростков в России (20—90-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 1998.
15. Алексеев А.И. Криминология. М., 1998; Карпец И.И., Эминова В.Е. Криминология. М., 1992; Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997.
16. Прялухина А.В. Социально-психологические детерминанты и особенности подростковой безнадзорности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

Шевко Н.Р.

Исхаков И.И.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

SOME PECULIARITIES OF CYBERBULLYING IN THE SOCIAL NETWORKS

В статье рассматриваются проблемы проявления психологической травли среди молодежи с использованием сети Интернет. Авторами выделены ключевые особенности интернет-коммуникации, способствующие развитию данного явления.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, интернет-травля, информационные технологии.

Some problems of the psychological bullying among the youth in the Internet are considered. The authors highlight key peculiarities of the Internet communication promoting development of this phenomenon.

Keywords: bullying, cyberbullying, information technologies.

19

19

Травля в Интернете распространена по всему миру, но наиболее характерна для развитых стран Северной Америки, Европы и Азии, отличающихся высоким уровнем распространения и развития Интернета.

Феномен кибербуллинга встречается в различных социальных средах, однако подавляющее большинство случаев травли в глобальной сети приходится на подростковую среду.

Кибербуллинг – это травля в Интернете, особый вид преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, и, более того, в интернет-среде. Среди клю-

чевых особенностей интернет-коммуникации можно выделить следующие:

1) вневременность. Межличностная текстовая коммуникация в Интернете практически не ограничена по времени: пользователь может в любой момент выйти из диалога и в любой момент его продолжить;

2) мультимедийность. Пользователю в Интернете доступны многочисленные способы коммуникации: текст, графические изображения, фото- и видеоматериалы, аудиальная коммуникация;

3) анонимность. В исследуемом вопросе анонимность – одно из ключевых понятий. Пользователь далеко не всегда раскры-

Шевко Наиля Рашидовна, кандидат экономических наук, начальник кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД Казанского юридического института МВД России
e-mail: nailya-shevko@rambler.ru

Исхаков Ильяз Ильдарович, курсант Казанского юридического института МВД России

© Шевко Н.Р., 2017

© Исхаков И.И., 2017

Статья получена: 09.03.2017. Статья принята к публикации: 17.03.2017. Статья опубликована онлайн: 29.03.2017.

вает перед другими свою реальную личность, вследствие чего серьезно размывается понятие ответственности за свои слова;

4) опосредованность. Интернет-коммуникация, как правило, является непрямым диалогом между пользователями, при котором участники беседы не могут видеть друг друга и использовать такие невербальные средства коммуникации, как жесты, мимика, взгляд.

Сегодня нет строго разделения между онлайн и оффлайн-реальностями: в обычной жизни мы общаемся с теми же людьми, с которыми потом имеем дело в электронной почте, смс-сообщениях и социальных сетях [1, С. 5-8].

Соответственно, и буллинг может переходить из оффлайн среды в онлайн и наоборот: издевательства над жертвой могут начаться в школе и продолжиться в социальной сети, к примеру, в Facebook или Вконтакте. Оба вышеописанных вида коммуникации считаются направленными против общества. Тем не менее, между ними есть определенная разница: при буллинге в реальной жизни коммуникация ведется напрямую между людьми, а когда речь заходит о буллинге в Сети, мы имеем дело с опосредованной коммуникацией через телекоммуникационные устройства.

Кибербуллинг фактически позволяет нападающему обойтись без последствий, т.е. избежать физического насилия и уклониться от ответственности. При этом дополнительным «плюсом» кибербуллинга для подростков является то, что можно заниматься травлей, не выходя из собственного дома. Известный американский программист Алан Купер, «отец Visual Basic», выделил три аспекта интернет-коммуникации и назвал их принципом Triple A – anonymous, accessible, affordable (анонимность, доступность и «дешевизна» компьютерно-посредованной коммуникации) [3].

Анонимность – невозможность точно определить и вычислить автора сообщения. Анонимность делает травлю гораздо проще для исполнителя, поскольку он не видит реальной реакции жертвы. Также

срабатывает так называемый «эффект дистанцирования», при котором преступник, находящийся на большом расстоянии от жертвы, становится способен на гораздо более жестокие вещи, нежели при обычной коммуникации.

Доступность – доступ в Интернет. Сегодня Интернет (по крайней мере, в развитых странах) стал практически повсеместным – доступ в Сеть есть почти у всех. Причем, благодаря мобильным устройствам и беспроводным сетям, этот доступ пользователь получает 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, то есть непрерывно [2].

Дешевизна – стоимость участия в интернет-коммуникации. При наличии у человека компьютера или мобильного устройства с доступом в Интернет (как известно, в развитых странах он есть практически у всех) участие в компьютерно-опосредованной коммуникации практически ничего не стоит.

Кибербуллинг особо привлекателен для подростков тем, что нападающий не видит свою жертву и ее прямую реакцию, а значит, ему гораздо легче подавить в себе возможное чувство жалости. Принцип снижения социальных реакций характеризует коммуникацию в Сети как менее эмоциональную за счет отсутствия нереальной коммуникации. Коммуникаторы в данном случае не видят друг друга. То есть, они не имеют возможности наблюдать за мимикой, жестами, сменой выражения лица, взглядом, положением тела и другими нереальными выражениями состояния. Если до онлайн коммуникации ее участники были незнакомы, то зачастую и пол, и возраст, и социальный статус собеседника остаются неизвестными. В итоге это может привести к тому, что участники коммуникации становятся более сконцентрированы на себе и меньше задумываются о чувствах, мнениях и реакциях друг друга, что, в свою очередь, ведет к более раскованному и даже агрессивному поведению, сопровождающемуся составлением негативных оценок собеседника.

При этом участники онлайн-коммуни-

кации под воздействием этого принципа перестают задумываться о возможном низком социальном статусе или природной застенчивости собеседника.

Кибербуллинг хорошо подходит для тех подростков, которые чувствуют неуверенность в себе, делая что-то в одиночку, кто предпочитает прятаться за спинами лидеров, успокаивая себя тем, что их поступки – гораздо хуже. Существует определенная модель социальной идентичности групповых эффектов (Social Identity Model of Deindividuation Effects), согласно которой люди могут относить себя к одной из двух категорий личности: индивидуальная идентичность или групповая идентичность.

Люди, склонные к индивидуальной идентичности, осознают себя как независимую социальную единицу и действуют согласно своим личным убеждениям, целям и потребностям.

21

Однако бывает такое, что в человеке групповая идентичность доминирует над индивидуальной. В таком случае люди очень сильно подвержены «эффекту толпы» и при этом зачастую забывают о собственных рамках. Такие люди становятся действительно гораздо сильнее (и гораздо смелее), находясь в группе единомышленников (например, хулиганское поведение футбольных фанатов во время и после матчей).

Применительно к феномену кибербуллинга доминирование групповой идентичности над индивидуальной превращает участников в сильную группу, работающую как единый механизм с повышенным порогом «дозволенности» в угнетении членов так называемой «контр-группы» (outgroup). Здесь начинает работать принцип «кто не с нами, тот против нас».

Кибербуллинг также привлекает тех подростков, кто в реальной жизни является скорее жертвой буллинга, нежели участником, детей, не отличающихся особой физической силой и не умеющих быстро придумать подобающий ответ, желающих изменить свой образ и занять позицию силы. «Гиперперсональная модель коммуникации» рассматривает

следующее преимущество компьютерно-опосредованной коммуникации: благодаря некоторым ее особенностям (в том числе, анонимность, пониженные социальные рамки, возможность тщательно обдумать свой ответ) онлайн коммуникация становится идеальным средством для самопрезентации в искаженном виде.

В обычной жизни люди, как правило, стараются предстать перед обществом в «приятном свете»: быть приветливыми, дружелюбными, отзывчивыми, чтобы быть принятыми окружающими. Коммуникация в сети предоставляет пользователям возможность выбирать информацию о себе, которую они хотят раскрыть. В большинстве случаев это способствует тому, что люди показывают только свои «хорошие» стороны (например, очень мило общаются в чатах). В результате собеседники располагают к себе друг друга, вступая в доверительные отношения. Вследствие этого происходит идеализация партнера, и его сообщения начинают восприниматься более «близко к сердцу», чем иногда при прямой коммуникации в реальной жизни. Это явление может быть использовано в онлайн-буллинге, когда один человек сначала вызывает максимальное доверие другого, а потом резко меняет тактику общения, становясь агрессивным и пугающим. Онлайн-коммуникация позволяет обдумывать каждое слово и создать безупречный образ «супер-злодея», скрыв собственную слабость и неловкость.

Итак, буллинг - явление негативное, вне зависимости от того, происходит ли оно в реальной жизни или онлайн-среде. Однако, по мнению большинства ученых, буллинг онлайн представляет собой большую опасность для современной молодежи, чем оффлайн-буллинг.

В связи с тем, что кибербуллинг происходит в интернет-среде, которая характеризуется безличностью и анонимностью, оказывается очень сложно установить личности преступников и, как следствие, возложить на кого-то ответственность.

Подростки, ставшие жертвами буллинга

21

в онлайн, как правило, не делятся этим со взрослыми, так как не считают их авторитетом в отношении интернет-пространства.

Исследование в области кибербуллинга, проведенное Pew Research Center в 2014 году [4], показало, что 40% пользователей глобальной сети хотя бы раз в жизни сталкивались с буллингом в Интернете на собственном опыте. При этом 73% опрошенных пользователей сталкивались с онлайн-буллингом вообще (становились жертвами сами или были свидетелями буллинга в отношении других людей). Помимо прямого вопроса об опыте кибербуллинга, исследователи задавали также и вопросы о форме буллинга, которой подвергся респондент.

Самый популярный ответ на этот вопрос – «Кто-то опубликовал унижительный или обидный комментарий обо мне в Интернете» – согласно полученным данным, 14% всех подростков испытывали это на себе.

22

Только 3% опрошенных рассказали об оскорбительных видео с их участием, опубликованных в Интернете. 13% подростков признались, что кто-то распространял о них оскорбительные слухи в сети, а 7% рассказали о том, что им угрожали в онлайн. При этом доля подростков, когда-либо становившихся участниками (то есть, исполнителями) кибербуллинга, ниже, чем доля жертв, однако показатели вполне сравнимы.

В различных исследованиях эта цифра колеблется от 3% до 44,1%, средний показатель составляет 18%. Согласно исследованиям по кибербуллингу Research Center [5], доля «буллеров» среди под-

ростков составляет от 11% до 20% в разные годы (средний показатель – 16,8%). Это означает, что в среднем каждый шестой подросток хотя бы раз в жизни занимался нападениями, оскорблениями, унижениями или насмешками в глобальной сети. При этом 11% опрошенных признались, что были вовлечены в процесс буллинга онлайн два или более раз за последний месяц. Около 9% опрошенных рассказали, что они писали оскорбительные комментарии о других людях в Интернете, и 5% подростков, по их словам, угрожали кому-либо в Интернете хотя бы один раз за последний месяц.

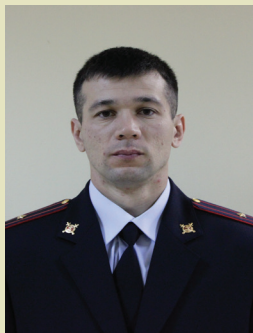
Итак, от кибербуллинга тяжелее укрыться, чем от традиционного буллинга, потому что жертвы доступны для преследователей через компьютеры или смартфоны в любом месте, в любое время суток в любом месте земного шара.

Однако криминологически значимые аспекты влияния информационного пространства сети Интернет на преступность несовершеннолетних нельзя рассматривать как отдельно стоящую проблему без изучения криминальной обстановки в стране, их взаимовлияния, причин и условий, способствующих преступности несовершеннолетних. Криминологическое изучение и прогнозирование влияния информационного пространства сети Интернет на преступность несовершеннолетних, определение ее места в структуре детерминант позволит разработать и внедрить эффективные методы предупреждения преступности несовершеннолетних.

22

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Екимова В.И., Замалалдинова А.М. Жертвы и обидчики в ситуации буллинга : кто они? [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. № 4. Том 4. №4. С. 5-8.
2. Ларюхина Н.Г. Проблема буллинга в подростковом возрасте [Электронный вариант]. URL : <http://www.rae.ru/forum2012/pdf/0554.pdf>.
3. Cooper A. Sexuality and the Internet : Surfing into the new millennium // CyberPsychology and Behavior. 1998. № 1(2). P. 187-193.
4. Duggan M. Online Harassment. – report for Pew Research Center, 2014. URL : <http://www.pewinternet.org/2014/10/22/online-harassment>.
5. Cyberbullying Research Center report, 2010. URL : <http://www.cyberbullying.us>.

УДК 343.82

Усманов И.М.

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

CONDITIONAL EARLY RELEASE JUVENILES
CONDEMNED TO IMPRISONMENT

В статье рассматриваются основания, условия и порядок условно-досрочного освобождения несовершеннолетних осужденных, особенности представления интересов таких осужденных в суде. Автором дана правовая оценка возмещения ущерба несовершеннолетними осужденными, возложения на них обязанностей и осуществления контроля после условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы.

Ключевые слова: несовершеннолетний осужденный, условно-досрочное освобождение, суд, потерпевший, наказание.

The article deals with the grounds, conditions and the procedure of parole of the juvenile offenders, and representing their interests in court. The author gives legal assessment of compensation by the juvenile offenders. The questions connected with the giving responsibility to the juvenile offenders and their supervision after parole from the places of deprivation of liberty are also considered.

Keywords: juvenile offenders, conditional early release, the court, the victim, the punishment.

23

23

В российском уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве сложно представить иной институт, в рамках которого за последние годы осуществлялись бы столь частые изменения и дополнения, как в институте условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Правовые нормы, посвященные условно-досрочному освобождению, в течение последнего десятилетия неоднократно подвергались изменениям. Данное обстоятельство связано с гуманизацией российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также заинтересованностью государства в удешевлении исполнения наказания и в скорейшем «превращении» осужденного в законопослушного гражданина. К сожалению, непродуманные решения, принимаемые законодателем, приводят к

противоречиям и неоднозначному разрешению возникающих проблем.

Сохранено законодательное положение об условно-досрочном освобождении от отбывания лишения свободы осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Согласно ст. 93 УК к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, должны применяться сокращенные сроки условно-досрочного освобождения от лишения свободы. При этом необходимо выяснять наличие для этого фактических оснований, определенных в общих нормах – в статье 79 УК и статье 175 УИК.

По смыслу ст. 93 УК, запрета на применение условно-досрочное освобождение к осужденным к лишению свободы, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, не устанавливается. От-

Усманов Ильгиз Миншакирович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России e-mail ilgiz-kgs@mail.ru

© Усманов И.М., 2017

Статья получена: 20.01.2017. Статья принята к публикации: 17.03.2017. Статья опубликована онлайн: 29.03.2017.

метим, что к осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, может быть применено условно-досрочное освобождение лишь к отбывающим наказание в виде лишения свободы.

Подготовка осужденного к лишению свободы к освобождению из исправительного учреждения начинается с момента поступления его в данное исправительное учреждение и ведется на протяжении всего срока отбывания им этого наказания. Осужденному к лишению свободы с момента прибытия его в место отбывания этого наказания администрация исправительного учреждения разъясняет положения, установленные в ст. 79, 93 УК, а также в статьях 172, 173, 175 и 176 УИК, ст. ст. 396-399 УПК. Лица, осуществляющие индивидуально-воспитательную работу с осужденными к лишению свободы, – как правило, это начальник отряда, члены совета воспитателей, психологи и другие сотрудники исправительного учреждения – обязаны информировать осужденного о возможности при установленных законом обстоятельствах применения к нему условно-досрочного освобождения. Ознакомление осужденных с порядком применения условно-досрочного освобождения осуществляется на занятиях по социально-правовой подготовке, посредством использования размещаемых в местах общего пользования наглядных средств агитации. О наступлении у осужденного к лишению свободы права на обращение к суду с ходатайством об условно-досрочном освобождении ему сообщает начальник отряда на основании данных, которые поступают из отдела специального учета исправительного учреждения. По этому вопросу начальник отряда обязан провести необходимую работу не менее чем за месяц до фактического отбытия осужденным той части срока лишения свободы, которая предусмотрена в соответствующих пунктах ч. 3 и ч. 4 ст. 79, а применительно к осужденному к лишению свободы, совершившему преступление в несовершен-

нолетнем возрасте, пп. а) и в) ст. 93 УК РФ. У осужденного при этом берется расписка о доведении до него информации о наступлении у него права на обращение с ходатайством об условно-досрочном освобождении, которая приобщается к его личному делу, после чего начальник отряда проводит с осужденным беседу, в ходе которой обсуждает с осужденным и оценивает возможность применения к нему условно-досрочного освобождения.

Основания условно-досрочного освобождения, а также его последствия в отношении взрослых и несовершеннолетних осужденных к лишению свободы регламентируются в ст. 79 и 93 УК РФ. При этом условно-досрочное освобождение несовершеннолетних имеет некоторые особенности. Так, правом подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении несовершеннолетнего обладает и его законный представитель – гражданин, выступающий в защиту законных прав и интересов несовершеннолетних осужденных. Однако несовершеннолетние осужденные могут и не иметь родителей или законных представителей, например воспитанники детских домов либо подростки, проживавшие до осуждения с бабушкой и дедушкой.

Полагаем, что интересы несовершеннолетних осужденных, касающиеся условно-досрочного освобождения от отбывания лишения свободы, могли бы представлять при отсутствии родителей или законных представителей комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В ст. 14 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних от 03.06.1967 г. устанавливалось, что такие районные комиссии имеют право входить совместно с органом, ведающим исполнением наказания, с представлениями в суд об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания несовершеннолетних в случаях, предусмотренных ст. 55 УК РСФСР [1]. В Законе № 120-ФЗ от 24.06.1999 г. такое положение отсутствует.

С учетом этого п. 2 ст. 11 ФЗ № 120 от 24.06.1999 г. считаем целесообразным

дополнить подпунктом 7 следующего содержания: «Комиссия по делам несовершеннолетних обеспечивает совместно с администрацией воспитательной колонии или иного исправительного учреждения подготовку материалов, представляемых в суд, об условно-досрочном освобождении осужденного, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, в соответствии со ст. 93 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Остается нерешенным вопрос: требуется ли согласие осужденного в несовершеннолетнем возрасте или лица, его заменяющего (родителей, адвоката и т.д.), на возбуждение ходатайства об условно-досрочном освобождении, можно ли отступить от правила, предусмотренного в ст. 399 УПК, согласно которому условно-досрочное освобождение может применяться только по ходатайству самого осужденного (законного представителя).

25

Статья 12 Конвенции о правах ребенка 1990 г. и ст. 57 СК РФ предусматривают право ребенка свободно выражать свое мнение. Законодательство не указывает минимальный возраст, начиная с которого ребенок обладает этим правом. С момента, когда ребенок способен формулировать свои взгляды, он имеет право быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, непосредственно его касающегося. В зависимости от обстоятельств ребенок может быть вызван в суд для выяснения его мнения [2].

По нашему мнению, ходатайство об условно-досрочном освобождении может возбуждаться родителями, лицами, их заменяющими, адвокатами и т.д., но только с согласия осужденного в несовершеннолетнем возрасте, потому что, как правило, к этому возрасту ему исполняется 16 лет и он приобретает гражданские права: распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами, вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими, совершать мелкие бытовые и некоторые другие сделки, а по достижении 18 лет вправе заключать до-

говоры, вступать в брак и т. д.

Поэтому ст. 399 УПК РФ считаем целесообразным дополнить п. 2 ч. 2 следующего содержания: «Вопрос об условно-досрочном освобождении осужденного в несовершеннолетнем возрасте рассматриваются судом только при наличии ходатайства самого осужденного или с его согласия».

Во исполнение требований Федерального закона №432-ФЗ от 28.12.2013 г. при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного в несовершеннолетнем возрасте судам также следует ставить вопрос о возмещении ущерба таким осужденным. В соответствии со ст. 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный моральный и материальный ущерб на общих основаниях. В случаях, когда у несовершеннолетнего осужденного, не достигшего возраста 18 лет, нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, он должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине [3].

25

В силу положений статей 21 и 27 ГК РФ и статьи 13 Семейного кодекса Российской Федерации самостоятельную ответственность за причиненный вред несут несовершеннолетние, которые в момент причинения вреда, а также в момент рассмотрения судом вопроса о возмещении вреда обладали полной дееспособностью [4]. При судебном разбирательстве необходимо выяснять, является ли данный осужденный трудоспособным. По нашему мнению, принудить такого осужденного возместить ущерб нельзя, т.к. данное лицо находится в подростковом, молодежном возрасте, важнее акцентировать внимание на его обучении. Факт отсутствия возмещения ущерба осужденным несовершеннолетнего возраста не должен быть основанием к отказу в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении такого осужденного.

Обязанности, возлагаемые на условно-досрочно освобожденных, осужденных в несовершеннолетнем возрасте, имеет свои особенности. Так, согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», помимо обязанностей, которые могут быть возложены на осужденного в несовершеннолетнем возрасте в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 73 УК РФ, суд при наличии к тому оснований вправе обязать несовершеннолетнего осужденного пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в учреждениях, оказывающих педагогическую и психологическую помощь гражданам (обучающимся, воспитанникам, детям), имеющим отклонения в развитии. Возложение на несовершеннолетнего обязанности возвратиться в образовательное учреждение для продолжения обучения возможно только при наличии положительного заключения об этом психолого-медико-педагогической комиссии органа управления образованием [5]. Испытательный срок и перечень обязанностей, возлагаемых судом на условно осужденного несовершеннолетнего, устанавливаются с учетом задач его исправления и не должны быть связаны с ограничениями его прав, не предусмотренными законом.

В разделе VI УИК РФ нет указаний, на какой орган возлагается контроль за условно-досрочно освобожденными, не достигшими восемнадцатилетнего возраста. Такие обязанности не возложены на уголовно-исполнительные инспекции.

Этот вопрос решается в ст. 5 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с послед. изм.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», согласно которой органы и учреждения системы профилактики проводят индивидуально-профилактическую работу в отношении условно-досрочно освобожден-

ных несовершеннолетних от отбывания наказания [6]. Перечень органов и учреждений профилактики определяется в ст. 4 этого закона. К ним относятся: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов РФ, осуществляющие государственное управление в сфере образования, органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Следовательно, специализированным государственным органом может считаться любой из названных в данной статье органов. По итогам изучения этого вопроса можно утверждать, что функции контроля и надзора за поведением условно-досрочно освобожденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, возложены на уголовно-исполнительную инспекцию.

В ходе изучения проблематики условно-досрочного освобождения несовершеннолетних осужденных мы пришли к следующим выводам:

1. С целью защиты интересов несовершеннолетних осужденных п. 2 ст. 11 ФЗ № 120 от 24.06.1999 г. необходимо дополнить подпунктом 7 следующего содержания: «Комиссия по делам несовершеннолетних обеспечивает совместно с администрацией воспитательной колонии или иного исправительного учреждения подготовку материалов, представляемых в суд об условно-досрочном освобождении осужденного, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, в соответствии со ст. 93 Уголовного кодекса Российской Федерации».

2. Статью 399 УПК РФ считаем целесообразным дополнить п. 2 ч. 2 следующего содержания: «Вопрос об условно-досрочном освобождении осужденного в несовершеннолетнем возрасте рассматриваются судом только при наличии ходатайства самого осужденно-

го или с его согласия».

3. Факт отсутствия возмещения ущерба осужденным несовершеннолетнего возраста не должен быть основанием к отказу в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении такого осужденного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних : указ Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536.
2. Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сбор. Междунар. договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.
3. Гражданский кодекс РФ (ч. вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2014) // Собр. законодательства РФ. 1996. №5. Ст. 410.
4. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 №223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 16.
5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление

27

Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 №1 (ред. от 02.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. №4. 2011.

27

6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 №120-ФЗ (с измен. и доп. на 04.06.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1999. №26. Ст. 3177.

УДК 378.1

Каби́ров Д.Э.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СТАНОВЛЕНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ И УСЛОВИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

**THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE FORMATION OF OUTLOOK
AMONG THE CADETS OF UNIVERSITIES OF RUSSIAN MIA'S
SYSTEM AND CONDITIONS OF FORMATION**

В данной статье рассматривается роль социально-гуманитарных дисциплин, в том числе философских, в формировании убеждений, идеалов у курсантов образовательных организаций системы МВД, в подготовке высококвалифицированных специалистов для правоохранительных органов. Анализируются тенденции, условия и особенности формирования мировоззрения у курсантов.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, курсант, ценности, идеалы, убеждения, девиация, лекция-провокация, воспитание, обучение.

This article considers the role of the humanities, including philosophy, in the formation of beliefs, ideals of the cadets of the MIA's universities in training highly qualified specialists for law enforcement. The trends, conditions and features of formation of outlook among the cadets of universities of Russian MIA's system are analyzed.

Keywords: philosophy, outlook, cadet, values, ideals, beliefs, deviation, lecture-provocation, upbringing and education.

Россия вступила в качественно новый этап своего развития, определив стратегический курс на построение гуманного демократического общества, обновление всех сторон его жизни, реформы государственных институтов, в том числе системы МВД России.

Подготовка высокопрофессиональных сотрудников для правоохранительных органов предполагает формирование их научного мировоззрения. Однако следует отметить, что с начала 90-х годов XX века данной проблеме не уделялось должного внимания в силу как объективных, так и субъективных причин, основными из которых явились: социально-экономическая нестабильность в стране; неопределенность духовных ориентиров; ослабление

влияния образования в вузах МВД России на процесс формирования научного мировоззрения. Выходом из сложившейся ситуации может явиться целенаправленная, четко организованная и спланированная работа по формированию мировоззренческих знаний, убеждений, ценностей, идеалов у будущих специалистов правоохранительных органов в ведомственных вузах МВД России.

В Указе Президента России о реформировании системы МВД, документах МВД России особый упор делается на формирование у сотрудников правоохранительных органов основополагающих мировоззренческих ценностей: гражданственности, государственности, патриотизма; развитие профессиональ-

Каби́ров Дми́трий Э́рнстович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

© Каби́ров Д.Э., 2017

Статья получена: 11.02.2017. Статья принята к публикации: 17.03.2017. Статья опубликована онлайн: 29.03.2017.

но-значимых качеств: верности Присяге, служебному долгу, личной ответственности, самоотверженности, готовности к самопожертвованию, честности и нравственной чистоплотности, справедливости, неподкупности, объективности, так как в последние годы проявляется нестабильность, неопределенность во всех сферах общества и особенно в духовной, ослабевают или даже утрачиваются фундаментальные мировоззренческие ценности, следствием чего являются коррупция, взяточничество, круговая порука, пьянство и иные проявления девиантного поведения.

Мировоззрение нельзя механически заимствовать, оно не может быть навязано извне, так как вырабатывается самой личностью в процессе изучения всего комплекса учебных дисциплин, и в особенности философских.

29

Получая знания, курсант образовательной организации МВД России соотносит их со своими потребностями и интересами, осмысливает, оценивает, переживает. Знания, которые приобретают жизненную актуальность, личностную значимость, внутренне принимаются курсантом, превращаются в жизненные установки, ориентации, становятся убеждениями, которые будут определять его поведение и поступки в предстоящей правоохранительной деятельности. Без эмоционального постижения мировоззренческие знания не могут стать основой духовного мира курсанта.

Эмоциональный фактор входит в учебно-воспитательный процесс, усиливая его емкость, устойчивость, целенаправленность. Это находит свое выражение в интеллектуальных чувствах, которые сопровождают процесс мыслительной деятельности: любознательности, любви к истине, правдивости, волнении, восхищении остроумной мыслью и т.д. [1, С. 246-250].

Учебные занятия должны содействовать воспитанию чувств, формированию общественно-значимых эмоций, становлению воли. Любая форма обучения представляет собой своеобразный сплав

рационального и эмоционального. Если рациональная сторона обучения направлена на овладение курсантами суммой знаний и приобретение навыков применения их в качестве инструмента человеческой практики, то эмоциональная сторона имеет своей целью воспитание социальных чувств личности, усиление эффекта логических рассуждений, обогащение их образностью, включение в сферу личных переживаний.

В достижении эффективности использования эмоционального момента в учебных занятиях участвуют разные факторы: состав аудитории, ее заинтересованность, т.е. потребность курсантов в усвоении мировоззренческих знаний, методика преподавания, личность преподавателя и др.

Условием превращения знаний в убеждения, эмоциональной реакцией курсантов на изучаемый учебный материал является наличие у них потребности в мировоззренческих, философских знаниях, понимание их ценности для будущих специалистов в правоохранительной сфере. Известно, что основное внимание в образовательном процессе вузов МВД уделяется дисциплинам специализации и профильной направленности (например, «Основы оперативно-розыскной деятельности», «Расследование преступлений против личности и собственности» и т.п.), поэтому некоторые курсанты недооценивают роль социально-гуманитарных дисциплин, в т. ч. философских, в подготовке высококвалифицированных специалистов для правоохранительных органов. Изменить такое отношение к изучению данных наук нельзя без вовлечения курсантов в размышления об их значении, пробуждения интереса к ним, формирования потребности их изучения.

Важную роль здесь играет качество преподавания мировоззренческих дисциплин, актуальность сообщаемого материала. Это достигается органической связью рассматриваемых мировоззренческих положений с профилем подготовки курсантов, с явлениями и событиями, про-

29

исходящими в мире, злободневными вопросами, так или иначе затрагивающими профессиональные интересы и волнующими курсантов, имеющими в настоящее время широкое общественное звучание.

Важную роль в активизации мыслительной деятельности курсантов в процессе восприятия ими мировоззренческих, философских знаний могут играть использование дискуссий и диспутов; постановка контрольных вопросов; проблемное изложение учебного материала и другие методы активизации мышления [1, С. 247]. Проведение викторин и конкурсов также заслуживает пристального рассмотрения, потому что основывается на простейших приемах, которые могут быть использованы в практике преподавания. Одним из таких является провоцирующая лекция: лектор предлагает аудитории опровергнуть выводы, представленные на занятии, изложить соответствующие контраргументы на семинаре или отыскать в лекции намеренно допущенную неточность.

Данные приемы являются приглашением к соревнованию, победу в котором могут одержать наиболее внимательные, инициативные курсанты. С одной стороны, лекция-провокация и лекция-приглашение к дискуссии стимулируют самостоятельный философский поиск, с другой, в некоторой степени сокращают дистанцию в отношениях учащихся с преподавателем, демонстрируя приоритет доводов разума над авторитетом (нередко мнимым, напускным), обусловленным ученой степенью, возрастом или жизненным опытом преподавателя. Тем самым демонстрируется рациональный характер философского дискурса, поддерживается традиция свободного, непредвзятого размышления и дискуссии.

Большое значение при изложении философских знаний в образовательных организациях МВД России имеет педагогическое мастерство преподавателя: убежденность; ораторские приемы; умение использовать литературу, яркие факты [2].

Комплексное воздействие на ум, чув-

ства, волю курсантов является решающим фактором формирования их мировоззрения в учебно-воспитательном процессе вузов МВД России.

Однако для более успешного ее решения требуется точное понимание места и значения тех или иных дисциплин в формировании научного мировоззрения. Общеизвестным является утверждение о том, что мировоззрение формируется всем ходом познания человеком мира. Основу же мировоззрения составляет философия. В процессе преподавания философии следует усилить именно ее мировоззренческий аспект. При этом надо учесть ряд моментов. Прежде всего, отметим, что философия – это не просто наука, но и особая форма общественного сознания, играющая иную, чем наука, роль в жизни человека. Философия не просто осуществляет мировоззренческую функцию, но и сама представляет собой высшую форму мировоззрения, а именно, научно-теоретическую. Поэтому формирование мировоззрения является необходимым условием бытия человека.

Но философия в то же время должна быть и наукой. Уже с момента своего возникновения она пыталась давать человеку объективный взгляд на мир, в отличие, например, от мифологии и религии. По-настоящему же научной философия становится лишь на этапе ее мировоззренческого осмысления. Как наука она изучает всеобщие закономерности мира. Уже в определении предмета философии как науки можно обнаружить ее мировоззренческую сущность. Через такое понимание философия и выступает в качестве научного мировоззрения. Философия – это наука о всеобщих закономерностях развития природы, общества и мышления. Это уже есть мировоззренческое определение. Итак, философия дает человеку основу целостного научного мировоззрения. Юридические науки, углубленно изучаемые в вузах МВД, тоже развивают мировоззрение человека, несут в себе мировоззренческие элементы, но не сами по себе, а лишь на уровне фи-

лософских обобщений.

Мировоззренческими становятся лишь те элементы знания, которые входят в систему философского осмысления. Так, категории преступления и наказания являются понятиями права, но они же должны входить и в круг философских проблем, получая свое осмысление и обоснование для дальнейшего развертывания в системе философских категорий. Здесь надо сказать об особой роли философских категорий для других наук и особенно для наук о праве. Развитие научного познания показало ошибочность натурфилософского подхода, но и сегодня фундаментальная роль философии в частнонаучном познании заключается не только в значимости общей методологии познания. Вскрывая закономерности общества и познания как всеобщие, философия создает такой категориальный аппарат, без которого не может существовать частнонаучное познание, в т. ч. и правовые дисциплины. Такие философские понятия, как сознание, ценности, идеалы и многие другие, входят в качестве основополагающих в психологию, право, социологию, историю и т.д. и тем самым интегрируют познавательную деятельность человека через включение собственно мировоззренческих элементов в структуру частных наук [3, С. 118].

Нередко наблюдается чрезмерное увлечение в процессе преподавания лишь методологической ролью философии. Это очень важная ее функция, но наиболее эффективно она проявляет себя на стадии достаточно высокого развития у курсантов философских знаний. Основной же базой в преподавании курса философии должен быть показ ее мировоззренческой значимости. С этих позиций надо видеть и ограниченность профилирования в преподавании философии. Если философская методология требует действительно серьезного профилирования в ее преподавании, то профилирование мировоззрения может нанести непоправимый ущерб делу формирования развитой социально активной личности.

Формирование мировоззрения курсанта в учебно-воспитательном процессе в вузах МВД России характеризуется единством познания и практической деятельности в правоохранительной области. Это придает мировоззрению курсанта практическую направленность, ибо каждый человек занимает в социальной системе определенное место.

Курсант обретает духовное богатство тогда, когда у него складывается убеждение, степень устойчивости и развитости которого характеризует качество научного мировоззрения, проявляющееся в конкретных поступках в правоохранительной сфере [1, С. 249].

Предназначение философии для решения мировоззренческих проблем и определило своеобразие ее как формы общественного сознания. В отличие от других наук, стремящихся удалить субъект, его свойства из объекта, философия полагает в качестве предмета своего изучения теоретико-практическое отношение субъекта к объекту в плане раскрытия всеобще-универсальных закономерностей развития природы, общества и процесса познания мира. Создавая определенный способ видения мира и методологию его познания, философия представляет собой, таким образом, стержень научного мировоззрения. Давая научное толкование сущности человека и смысла его жизни, определяя развитие общества, она формирует убеждения, идеалы, вырабатывает у курсанта вуза МВД деятельностный подход к жизни, укрепляет его веру в необходимость самому соблюдать законы и требовать этого от других.

Особенности формирования научного мировоззрения курсантов в специфическом пространстве вузов МВД России противоречиво сочетают как позитивные, так и негативные тенденции среди которых можно выделить следующие:

- преобладание внешне заданных управленческого и организационного начал в вузах МВД России, предполагающее жесткую регламентацию учебно-воспитательного процесса, всех ви-

дов деятельности;

- отношения субординации, которые с одной стороны, способствуют повышению эффективности работы по формированию научного мировоззрения курсантов, а с другой - не способствуют установлению равноправных взаимоотношений с преподавателями и воспитателями, ограничивают развитие интерактивности, инициативы, заинтересованности курсантов, тормозят становление неповторимого мировоззрения каждого индивидуума;

- постоянное пребывание курсантов на замкнутой территории ведомственного вуза с четким регламентом, с одной стороны, предохраняет мировоззрение курсантов от негативного влияния внешней макросреды (употребление спиртных напитков, наркотиков, мелкие правонарушения и т.п.), способствует получению «чистого результата», с другой - негативно влияет на вариативность мировоззрения, его широту в социокультурном контексте;

- в ведомственных вузах МВД России в значительной степени сильнее, чем в других образовательных организациях, формируется феномен коллективного мировоззрения, так как курсанты постоянно взаимодействуют в учебно-воспитательной, служебной, внеслужебной сферах, и это коллективное мировоззрение может воздействовать на индивидуальное мировоззрение учащегося, как позитивно, так и негативно (в зависимости от приоритетных установок и позиций в коллективе), что, с одной стороны, способствует, а с другой - затрудняет формирование значимых для личности и общества мировоззренческих знаний, убеждений, идеалов, ценностей;

- правовая доминанта в формировании научного мировоззрения выражает целевую направленность учебно-воспитательного процесса, всей системы служебной деятельности на становление и развитие правового аспекта научного мировоззрения курсантов, необходимого для работы в правоохранительной сфере, что, с одной стороны, способствует формированию научного мировоззрения курсантов как

будущих специалистов, с другой - не активизирует развитие других содержательных аспектов научного мировоззрения (нравственного, социально-политического, эстетического, естественнонаучного).

Выделяются следующие принципы формирования научного мировоззрения курсантов вузов МВД России:

1. Принцип мировоззренчески ориентированного обучения курсантов путем реализации мировоззренчески-акцентной системы обучения гуманитарным и особенно философским, правовым дисциплинам в вузах МВД России.

2. Принцип мировоззренчески направленного воспитания курсантов на формирование содержательных аспектов научного мировоззрения посредством реализации его основных направлений (правового, нравственного, патриотического, профессионального, эстетического).

3. Принцип единства теоретических и практических форм в мировоззренчески-ориентированном обучении и воспитании в сферах - учебно-воспитательной, служебной и внеслужебной деятельности, что высвобождает и усиливает их ресурсные мировоззренчески-формирующие возможности.

4. Принцип научного управления формированием мировоззрения как на основе целенаправленных, субординационных отношений, так и в ходе конструктивного диалогического взаимодействия с целью интегрирования и гармонизации социально-необходимых требований общества и личностных мировоззренческих притязаний курсантов.

5. Принцип утверждения статусности мировоззренческих ценностей в формировании научного мировоззрения курсантов путем актуализации аксиологической направленности всего учебно-воспитательного процесса (усиление ценностных аспектов в обучении гуманитарным наукам и дисциплинам правовой специализации, аксиологизация воспитательной работы) [4].

Можно выделить три уровня научного мировоззрения курсантов. Первый уро-

вень - эмоционально-перцептивный - критический (мироощущение): в основном - это чувственное восприятие мира, когда выделяются его отдельные стороны, черты, формируются образы, чувственно-эмоциональная сфера на этом уровне доминирует. Второй уровень - рационально-когнитивный - допустимый (миропонимание), предполагает преимущественно рациональное осмысление мира, его понимание в форме концептов, категорий. Третий уровень - праксиологически-деятельностный - оптимальный (мироотношение), характеризует достаточно высокую степень развития мировоззренческих установок и направленности на профессиональную деятельность, которые выражаются в целенаправленных поступках и действиях в правоохранительной сфере, сформированных профессионально-значимых качествах.

33

С точки зрения уровней отражения действительности, научное мировоззрение курсантов включает как обыденный, так и научно-теоретический уровни, то есть имеет смешанный вариант из самого различного их взаимодействия и сочетания, что учитывают субъекты мировоззренческого воздействия в ходе учебно-воспитательного процесса в ву-

зах МВД России. Главными элементами обыденного уровня, наряду с чувствами, настроениями, привычками, традициями, психологическим складом, являются и такие социально-значимые мировоззренческие качества, как ответственность, инициативность, трудолюбие, чувство нового и другие, проявляющиеся в позитивном отношении к решению сложных проблем, в реальных действиях и поступках курсантов. Эмоционально-волевое начало на этом уровне играет существенную роль.

Теоретический уровень формируется в результате осознанного овладения курсантами мировоззренческими знаниями, в процессе становления убеждений, идеалов, ценностей и в систематизированном виде выражает то или иное понимание природных и социальных процессов. Таким образом, научное мировоззрение курсанта всегда обусловлено единством рационально-логической и эмоционально-волевой сфер, мотивационных установок. В этом плане сущность мировоззрения проявляется через целостность противоположностей: научного - ненаучного, рационального - эмоционального, личностного-общественного, имманентного - трансцендентного, конечного - бесконечного и т.п.

33

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. Остапенко В.С. Роль и значение философских знаний в формировании научного мировоззрения курсантов образовательных учреждений МВД России // Вестник ТГУ. 2008. № 7. С. 246-250.
2. Коровин В.М. Основные принципы, методы и формы обучения курсантов в высшем учебном заведении. Воронеж, 1999.
3. Мишина Н.А. Интегрированный подход в изучении предметов гуманитарного цикла // Философия отечественного образования : история и современность. Пенза, 2008. С. 118.
4. Остапенко В.С. Формирование научного мировоззрения курсантов вузов МВД России : автореф. дис. ... докт.пед.наук. Воронеж, 2012.

УДК 37.03

Старостин В.Г.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАНИЯ ЗНАЧИМОСТИ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ – СЛЕДОВАТЕЛЯ МВД РОССИИ

FORMATION OF AWARENESS OF IMPORTANCE
OF THE FUTURE PROFESSION
OF THE MIA'S INVESTIGATOR

В статье представлен опыт образовательных организаций системы МВД России по подготовке будущих сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, формированию качеств личности курсантов, избравших профессию следователя.

Ключевые слова: воспитательная работа, курсант, следователь, профессионализм, психолого-педагогический фактор, профессиональная адаптация.

The article is devoted to the description of the experience of the MIA's universities in training future law enforcement officers, and formation of the individual attributes of the cadets, choosing a profession of an investigator.

Key words: educational work, cadet, investigator, professionalism, psychological and pedagogical factor, professional adaptation.

34

В начале 90-х годов XX века в России наметились качественные изменения во многих областях, в том числе военной. В системе военных вузов РФ началась деидеологизация воспитательной работы, постепенные попытки обращения к личностно ориентированному воспитанию курсантов, стали создаваться оптимальные модели, алгоритмы и технологии воспитательной деятельности во всех военных структурах, обусловленные новыми потребностями, которые предъявлялись армией [1, С. 230].

Известно, что каждый курсант обладает определенным, присущим только ему уровнем качественных характеристик и, естественно, требует индивидуального подхода. Создание системы индивидуальной воспитательной работы по формированию профессиональных качеств личности курсанта – одно из важнейших

педагогических условий повышения эффективности и качества процесса воинского воспитания.

Непременным условием повышения эффективности воинского воспитания курсантов, как показывает практика, являются:

- стиль жизни;
- личный пример всех категорий воспитателей;
- их общая и военно-профессиональная культура;
- эрудиция;
- личный пример выполнения воинского долга;
- высокая ответственность за состояние дел в области воинского воспитания;
- умение на практике проявлять мужественные действия и поступки;
- показывать единство слова и дела [2, С. 179].

Одной из основных задач нравствен-

34

Старостин Вадим Геннадьевич, старший преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России

e-mail: vgstarostin@mail.ru

© Старостин В.Г., 2017

Статья получена: 14.09.2016. Статья принята к публикации: 17.03.2017. Статья опубликована онлайн: 29.03.2017.

ного воспитания является формирование высокого морального сознания личности курсанта. Актуальность этой задачи вытекает из того, что нравственность как индивидуальная мотивация поведения личности и как социальное явление существует на разных уровнях.

Будущему офицеру недостаточно иметь специальные теоретические знания. Он должен быть умелым руководителем, вдумчивым психологом и педагогом, способным в экстремальных ситуациях применять приобретенные знания, глубоко осмысливать социальные процессы, протекающие в воинских коллективах, самостоятельно делать правильные выводы и применять взвешенные решения, активно влиять на морально-психологическое состояние своих подчиненных.

Определение сущности воинского воспитания курсантов позволяет выделить три основных критерия:

35

1. Военно-профессиональный критерий – характеризует уровень профессиональной подготовки будущего офицера к выполнению своих должностных обязанностей;

2. Психологический критерий – определяет уровень психологической готовности (волевой мобилизованности и решимости) действовать в боевой (военной) обстановке по выполнению поставленной задачи;

3. Критерий боевой (служебной) активности – является интегрирующим критерием, характеризующим уровень эффективности практической деятельности, настроенности будущего офицера на реализацию служебных и боевых задач [2, С. 189].

Как известно, личность человека (и офицера, как представителя государства, в первую очередь) должна обладать высоким развитием всех ее сторон: физической, психологической, духовной, социальной, нравственной, эстетической. К. Маркс писал, что цель должна заключаться в том, чтобы формировать человека «со всем... богатством его существа... всестороннего, глубокого во всех его чув-

ствах и восприятиях...» [3, С. 122].

На сегодняшний день обществу, государству, системе органов внутренних дел насущно необходимо, чтобы полицейский являлся не только профессионалом своего дела, но и человеком чести, совести, который не приемлет несправедливости, рутины, лести. Иначе говоря, был лишен всех тех изъянов, которые разрушают основы профессионализма и принципы социальной ответственности.

Для воспитания поколения сотрудников правоохранительных органов новой формации в вузах МВД России организуются различные виды воспитательной деятельности: идейно-политическое, нравственное, физическое, эстетическое, правовое воспитание и другое.

У каждого человека в процессе формирования и развития обычно выделяются доминирующие качества, склонности к определенному виду деятельности, которые и должны определять его жизненный путь. Выбор юношей профессии офицера, устойчивость мотивов профессиональной деятельности и обуславливают такую доминанту у курсанта, которая, по мнению некоторых исследователей, «не вытесняет другие способности человека, а организует и объединяет их вокруг себя, как своеобразный лидер. Следовательно, это не ставит предела гармоничному развитию личности курсанта, а способствует ему...» [4, С. 50].

Курсант ведомственного вуза - будущий следователь должен осознавать социальную значимость своей будущей профессии, цель и смысл государственной службы, быть готовым выполнять гражданский и служебный долг, профессиональные задачи в соответствии с нормами морали и профессиональной этики. Он обязан стремиться к саморазвитию, повышению своего интеллектуального и общекультурного уровня. Ведь профессия полицейского не относится к легким, жизнь курсантов разительно отличается от таковой у студентов гражданских вузов. К сожалению, не все юноши и девушки, мечтающие о курсантских погонах,

35

могут выдержать тяготы службы и не до конца осознают, насколько трудно совмещать обучение с несением службы.

Вузы МВД России как кузницы офицерских кадров строят свою деятельность по подготовке курсантов не только в плане обучения и воспитания, но и физического развития и психологической подготовки. На качество профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД России влияет множество факторов. Одним из них является уровень и скорость адаптации абитуриентов к новым условиям обучения, требованиям, которые предъявляются к курсантам как сотрудникам органов внутренних дел и будущим профессионалам. Вхождение в условия высшего учебного заведения, включение в уставные отношения, выполнение распорядка дня, соблюдение дисциплины, освоение специальной лексики, необходимость подчиняться младшему командиру-сверстнику и множество других обязанностей оказывается трудным для бывших школьников и требует специального внимания и содействия со стороны педагогов вуза.

Можно выделить три основных направления, в русле которых происходит профессиональная адаптация будущих следователей. Курсанты адаптируются к условиям образовательного процесса в высшей школе (лекционные формы занятий, отсутствие поурочной проверочной системы, организация занятий и экзаменов по семестрам), к условиям уставных отношений и служебной практики в вузе (дисциплинарные требования, ответственность, связанная с присягой, определенная форма одежды, несение службы по наряду, подчинение командирам-сверстникам), к требованиям будущей профессиональной деятельности в ее предметном и этическом содержании. Перечисленные группы условий взаимосвязаны между собой, но их значимость меняется на разных этапах вхождения будущих полицейских-следователей в профессию. Также немаловажно отметить и профессиональное воспитание

курсантов в процессе физической подготовки — это организация учебно-воспитательного процесса, обеспечивающая формирование у обучаемых нравственных (верность долгу, честность, вежливость, сопереживание), физических (выносливость, сила, быстрота, ловкость) и психофизических (оперативное мышление, смелость, решительность, выдержка и самообладание) качеств. В процессе профессионального воспитания у курсантов формируются устойчивые взгляды и убеждения, проявляющиеся в позитивном отношении к профессиональной деятельности, в вежливом и тактичном поведении с гражданами, а также в стремлении к личностному профессиональному самосовершенствованию, что отвечает требованиям правоохранительной деятельности в современных условиях.

Следователь, как и врач, постоянно сталкивается с чужим горем, асоциальным поведением. В этих условиях необходимо уметь защищать собственную психику и душевное равновесие от пессимизма, цинизма, подозрительности, высокомерия и других форм профессиональной деформации личности. В учебном заведении этому содействуют знания психологии людей, закономерностей развития общества, а также владение приемами психологической защиты и релаксации.

Таким образом, в подготовке будущих следователей в стенах образовательных организаций МВД России необходимо отметить следующие элементы:

1. Формирование профессионализма следователя — это интегральное качество индивидуальности офицера. Его слагаемыми являются следующие системообразующие элементы: в интеллектуальной сфере — высокий уровень общих и профессиональных умений, позволяющий обеспечить качественное осуществление предварительного следствия; в мотивационной — высокий уровень мотивации профессиональной деятельности в органах внутренних дел как мотивации достижения успеха; в эмоциональной — чувство профессиональной

чести и гордости; в сфере саморегуляции – убеждение в высоком социальном престиже следователя.

2. Факторами успешности формирования профессионализма у будущих следователей являются опора на индивидуальные особенности курсантов юридических вузов МВД, учет специфики их профессиональной направленности, принятие во внимание специфики адаптации

и мотивации учебной и профессиональной деятельности курсантов на различных этапах обучения.

3. Формирование профессионализма у курсантов юридических вузов МВД-будущих следователей на основе психолого-педагогических факторов является одним из основных направлений профессиональной подготовки следователей в системе высшего юридического образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная психология и педагогика. М., 1998.
2. Завизионов Ю.Г. Сущность и содержание воинского воспитания курсантов вузов ВВ МВД России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №31.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42.
4. Биочинский И.В. Психолого-педагогическое обеспечение процесса формирования личности в вузе. Казань, 1988.

УДК 17

Сироткин Ю.Л.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX – XX ВВ.

THE IMAGE OF MAN IN THE SOCIAL CONSCIOUSNESS
OF RUSSIA OF THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

В статье предпринята попытка синтезировать парадигмы миропонимания относительно перспектив развития человека и общественной эволюции. Показана конструкция образа человека, нашедшего отражение в общественном сознании России конца XIX – начала XX веков. Раскрыта многомерность образа и выявлена специфика его восприятия общественным сознанием. Предложена интерпретация образа человека. Показано его значение для общественного сознания и перспектив социальной эволюции.

Ключевые слова: образ, образ человека, общественное сознание, отражение.

The article attempts to synthesize the worldview of the paradigm about the prospects for human development and social evolution. The structure of the image of man as reflected in the public consciousness of Russia of the late 19th and early 20th centuries is shown. The multidimensionality of the image and the specificity of its perception in public consciousness are revealed. Interpretation of the image of man is given. The author shows its importance for public consciousness and the prospects of social evolution.

Keywords: image, the image of man, social consciousness, reflection.

38

38

В российском общественном сознании рубеж XIX–XX веков актуализируется потребность поиска нового способа существования человека и его бытийного смысла. В многочисленных философских, политических, религиозно-мистических, эстетических и иных декларациях, носящих преимущественно манифестирующий характер, общественное сознание в качестве неперменной ценности провозглашала “свободную личность” и призывало к объединению усилий по ее “освобождению”. Новый тип личности ассоциировался с иной общественной организацией и иной стилистикой культурного ландшафта. Общепринятым оказалось мнение о возможности, желательности и необходимости пересоздания человека, что может показаться вызовом

утонченной и теплой культуры рубежа веков, скорее эмоциональным, чем рационально обоснованным. Контент образа разносторонен и полифоничен, а его отражение многомерно и противоречиво.

Согласно материалистической парадигме в общественном сознании находит отражение общественное бытие в процессе деятельностного отношения людей к действительности [1, С. 924]. Общественное сознание является духовной стороной исторического процесса и принадлежит к духовной сфере жизни общества. Общественное сознание обнаруживается в самосознании общества как совокупного субъекта познавательной деятельности на уровне обобщения социального опыта и саморефлексии отдельного субъекта на уровне обобщения

Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

© Сироткин Ю.Л., 2017

Статья получена: 28.02.2017. Статья принята к публикации: 17.03.2017. Статья опубликована онлайн: 29.03.2017.

индивидуального и социального опыта. Общественное сознание возникает и развивается на основе общественной мысли, которая воспринимается, транслируется им посредством общественного мнения. Общественное сознание не является массовым или народным, равно как общество не является ни тем, ни другим. Общество не тождественно населению. Российское общество своим рождением обязано Петру I (А.Н. Пыпин). Общественное сознание определяет отношение общества к событиям, фактам и отдельному человеку. В данном случае к современного человека и его образу.

Образ человека в общественном сознании – результат вторичного отражения, т.е. является продуктом отражения отражений. Это уровень духовного бытия человека. В связи с этим уместно привести ряд уточнений [2, С. 64-71]. Во-первых, духовная реальность запечатлевает в своих глубинах прошлое и будущее, вспоминает, интегрирует их и на этой основе воспроизводит актуальную реальность и конструирует иную, в том числе и артефактальную реальность. Во-вторых, отражение отражений характеризуется непосредственностью – опосредованностью. Качество отражения определяется как “новое интегративное синергетическое эмергентное”, что позволяет говорить о фактическом изобретении образа. При этом важно подчеркнуть, что первичное отражение, осуществляемое, как известно, через взаимодействие, сохраняется и становится составной частью создаваемого. В-третьих, человек отображается или конструируется (реконструируется), отражаясь многократно, многослойно, синергично и знактивно. Приведенные уточнения позволяют констатировать, что воспринимаемый и отображаемый общественным сознанием образ человека богат, конкретен и реален; он не искажает доминирующих признаков, соответствует основным содержательным характеристикам человека и сохраняет действенность, ограниченную степенью влияния общественного сознания на со-

циальные процессы и их субъектов.

К концу XIX – началу XX вв. общественное сознание было достоянием хотя и заметной, но малочисленной группы населения, преимущественно образованных слоев обеих столиц и университетских городов. Общественное сознание формировало социально-политический дискурс. Произведенный им социальный продукт усваивало общественное мнение и распространяло его в глубь и ширь общества. Общественное мнение не только транслировало образ человека, но и отчасти его формировало. Общественная мысль и общественное мнение создавали достаточно прочные основы, на которых покоилось общественное сознание, оформившееся к концу XIX – началу XX веков. Несмотря на плюралистичность, оно представляло собой целостный феномен, имеющий собственную логику развития. Как видим, имеются основания говорить о сложившемся в российском обществе на рубеже веков общественном сознании, сформированном общественной мыслью и находившем выражение в общественном мнении.

Носителем общественного сознания, “производителем” общественной мысли и транслятором общественного мнения являлся светски образованный слой людей, т.е. интеллигенция. Появление “Вех” (1905 г.) дает достаточно исчерпывающее представление о миропонимательской составляющей ее представителей и в необходимой степени характеризует создателей и трансляторов образа человека в обозначенный период истории России. Известно, что создаваемый образ несет в себе черты создателя и в немалой степени определяется его доминирующими чертами. Показателен в этом отношении социально-психологический портрет интеллигенции как собирательного образа, задающего вектор общественному сознанию российского общества. Определимся с его основными чертами. Н.А. Бердяев обращает внимание на ложность человеколюбия, так как оно “не было основано на настоящем уважении к человеку”

[3, С. 8], на уважении к его абсолютному значению. Демагогия исказила душу интеллигенции. “Развивается моральная трусость, угасает любовь к истине и дерзновение мысли” [3, С. 10]. Бердяев усматривает “признаки умственного, нравственного и общекультурного декаданса”, что “ведет к разложению общеобязательного универсального сознания” [Там же]. С.Н. Булгаков констатирует духовный кризис, “требующий глубокого, сосредоточенного раздумья, самоуглубления, самопроверки, самокритики” [3, С. 24]. Выход из него видится “прежде всего и больше всего в готовности и способности учиться у истории. Ибо история не есть лишь хронология, отсчитывающая чередование событий, она есть жизненный опыт, опыт добра и зла, составляющий условие духовного роста” [3, С. 24]. В природе интеллигентского сознания Булгаков усматривает “прекраснодушие, утопизм, вообще недостаточное чувство действительности” [3, С. 28]. Это способствовало тому, что интеллигент “впадал в состояние героического экстаза, с явно истерическим оттенком [3, С. 37]. Для него необходим (в мечтах, разумеется) “героический максимум”. Это “сверхчеловек”. Экзальтированное ожидание “социального чуда” провоцирует атмосферу “героического авантюризма” и господство “духовной неадекватности” при неразборчивости средств. Героизм оказывается лжегероизмом. “Духовное состояние интеллигенции не может не внушать серьезной тревоги”, - подводит итог Булгаков [3, С. 47]. Отсутствие “правильного учения о личности” – главная слабость интеллигентского сознания констатирует автор [Там же]. Извращенное представление о личности обуславливает историческую неостоятельность интеллигенции [3, С. 48].

Деформацию образа как отражение духовного нездоровья человека выявил М.О. Гершензон. “Мы калеки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растет заодно с волей, что наше сознание, как паровоз, ото-

рвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится в пустую, оставив втуне нашу чувственно-волевую жизнь” [3, С. 70]. Общественное мнение признавало только один принцип: “думать о своей личности – эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном, интересуется вопросами общественности, работает на общую пользу” [3, С. 71]. Отмечается раскол между “Я” и сознанием. Поэтому сознание лишено силы и действительности. “Личностей не было – была однородная масса” [3, С. 84]. Все были “недовольны, не то озлоблены, не то огорчены” [3, С. 90]. “За всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни вину несло самодержавие, – личность признавалась безответственной. Это была очень удобная вера, вполне отвечавшая одной из неискоренимых черт человеческой природы – умственной и нравственной лени” [3, С. 93]. А.С. Изгоев обращает внимание на “духовное” высокомерие, идейную нетерпимость и деспотизм интеллигенции [3, С. 105]. Б.А. Кистяковский показывает, что “интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне” [3, С. 126]. Равно как и никогда не выдвигался идеал правовой личности. Отсюда пренебрежение к правовым нормам; правовому регулированию и правам личности. “В правовой норме, – пишет Б.А. Кистяковский, – наша интеллигенция видит не правовое убеждение, а лишь правило, получившее внешнее выражение” [3, С. 144] и как следствие - неустойчивость “гражданского правопорядка” [3, С. 151]. П.Б. Струве в характеристике интеллигенции как светски образованного слоя выделяет ее идейную форму – отщепенство, составляющую в своем содержании противогосударственность и безрелигиозность, что явилось благоприятной почвой для “морального легкомыслия” и крайнего радикализма во взглядах, представлениях и действиях при полном игнорировании положения о том, что прогресс общества

может быть результатом “совершенствования человека” [3, С. 170]. С.Л. Франк духовные истоки кризисного состояния видит в морализме, который есть отражение нигилизма интеллигенции [3, С. 181]. “Нигилистический морализм есть основная и глубочайшая черта духовной физиономии русского интеллигента” [3, С. 185]. Нигилистический утилитаризм, лишенный духовного содержания, выразился в “противокультурной тенденции” и привел к социальному оптимизму с опирающейся на него механико-рационалистической теорией счастья, которая предполагает разрушение, ненависть и распределение. Интеллигент “любит слабых, бедных, нищих телом и духом, не только как несчастных, помочь которым значит сделать из них сильных и богатых, т.е. уничтожить их как социальный или духовный тип, - он любит их именно, как идеальный тип людей” [3, С. 203]. Эти “воинствующие монахи нигилистической религии земного благополучия” задавали основные черты образа человека и определяли его вектор. (Статья: Духовное состояние российской интеллигенции между двумя революциями).

Общественное сознание отражало человека как общественного субъекта, интерпретируя его как результат социального развития и создавая на этой основе его образ. Образ возникает как результат уподоблений единичного – всеобщему, реального – идеальному, сочетая в себе конкретное и абстрактное. “Образ – результат идеальных устремлений, мысленного восхождения от случайных, единичных, несущественных частных к общим, идеальным представлениям” [4, С. 377]. Образ восходит к конкретному, а образ человека являет обобщенную абстракцию.

Образ выступает в качестве реконструкции объекта в сознании человека; в нем сосуществуют воображаемое бытие, предметное бытие и массовый прообраз [5, С. 129]. Человек мыслит в образах и создает образ себя. Образ является результатом познавательной,

художественной и иных видов творческой деятельности человека. Образ объединяет рациональные процедуры и чувственные обобщения. Получивший отражение в общественном сознании образ интегрирует художественные образы и образы в искусстве. Художественный образ – это способ и форма освоения и преобразования действительности; он “соединяет в себе объективное содержание и субъективно-личностное, индивидуальное переживание” [4, С. 376]. Образ искусства представляет собой отражение эмпирической действительности, которая действительности не принадлежит. Это обобщение, типизация и отчасти идеализация персонажей. По отношению к образу человека верно замечание о том, что “воображаемое бытие” и “возможная реальность” оказываются не менее, а, напротив, зачастую более действенными, чем послужившие исходным “материалом” реальные предметы, явления, события” [5, С. 130]. В частности, образ содержит в себе элемент деятельности или отклонения от нее, участия в общественных процессах или отстраненности от них и т.д.

Для общественного сознания рубежа XIX-XX веков принципиальным явилось то, что образ становится символом. Это объясняется популярностью символизма как миропонимания (1, 2 и т.д.). Символ обеспечивает выход за пределы содержания обозначаемого предмета за счет углубления и расширения его смыслов, приобретших в отношении человека аксиологичность. Не менее принципиально и то, что символы обозначают качественные отношения. Такими видятся исходные основания, позволяющие реконструировать образ человека в общественном сознании российского общества рубежа столетий.

С рубежа веков глубина человеческой личности, ее подлинность определялись способностью проникновения в “символическую природу” всего сущего (А. Волынский). В этом находила проявление мистическая природа человека, которая делала его творцом и обеспечивала творческую составляющую его бытия [6].

Преимущественно художественно-образное восприятие человека как мистика усиливало интерес к бессознательному в человеческой психике, тайным и явным чувствам, настроениям, калейдоскопической «единичности» и автономности человека от любой обусловленности. Детерминизм был подвергнут обструкции. Уединенность провозглашалась «великим принципом» (К.Д. Бальмонт). Позитивный смысл одиночества виделся в том, что оно в немалой степени защищает человеческое в человеке. В то же время одиночество становится символом исчерпанности жизни и отстраненности человека, своеобразной декларацией по его выходу из круга человеческого сообщества. Символика свободы и одиночества была достаточно распространенным явлением. Вопрос о сохранении человеком личности в этих условиях поставлен не был. Романтический образ высокодуховной личности, поднявшейся над прозой жизни, был популярен в светских гостиных и собраниях философско-литературных сообществ, а не в рационалистических умах и революционных кружках. Своеобразным философско-публицистическим итогом и апофеозом подобных настроений явилась трилогия В.В. Розанова «Уединенное» (1912) и два короба (соответственно 1913 и 1915) «Опавших листьев» [7]. В ней средствами случайных записей, набросков и наблюдений отражен процесс мышления, раскрывающий психологию уединенности, переданной по розановски своеобразно и трагично. Показательно признание автора о желании выговориться, происходящее от «движения души» [10, С. 46]. Причина излить душу кроется «в огромном углублении человека» [10, С. 43] при том что дух «весь рассыпался» [10, С. 47]. Общественное настроение В.В. Розанов выражает вопросом: «Цинизм от страдания?» [10, С. 38]. Рассуждения о посмертной славе (иллюстрирующие постоянно присутствующий мотив смерти) претят автору по причине «чувства вины; и еще от глубокого чистосердечного сознания,

что я не был хороший человек» [Там же]. Отношение к себе «в отрицательную сторону» [10, С. 38] закрепляется в убеждении собственной ненужности [10, С. 51]. Здесь и нотки самоунижения: «моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» [10, С. 64], что делает розановское обобщение логичным и, в парадигме приведенных выше разочарований, закономерным. «Боже, как ужасна наша жизнь, как действительно мрачна» [10, С. 64]. Отсюда следует заявление о необходимости очищения, жизни для правды [10, С. 74] при неопределенности желаний и любви к мечте [Там же]. Итогом размышлений является убеждение В.В. Розанова в приоритете одиночества. Людей, констатирует философ, поразила «страшная болезнь одиночества» [10, С. 78], но «одинокое души суть затаенные души» [Там же]. Мотивом «величайшей грусти о себе, в себе» [10, С. 57] наполнено «Уединенное». Во многом аналогичен круг тем, определяющих содержание «Опавших листьев». В.В. Розанов глубоко прочувствовал, сопережил и точно передал настроения образованной российской публики, формирующей и транслирующей общественное мнение.

Подобный «аристократический индивидуализм», манифестирующий отъединенность, замкнутость, одиночество, ошибочно принимался интеллектуалами того и исследователями последующих времен за право самовыражения и самутверждения личности в «атмосфере реакции». Не принимался во внимание драматизм положения российского общества, осознанность которого вызывала страдания и провоцировала отчаяние, блокируя способность к социальному действию.

Уединение трагично своим пессимизмом. Трагедийное понимание личности лишило образ человека потенциала развития, выражающегося в диалектике единичного и общего. Оно замыкает пространство активности и переводит его во внутренний план действий. Человек лишается позитивной опоры и жизнеутверждающего смысла; у него развива-

ется склонность созерцать и поддаваться сомнительным иллюзиям. Крайности уединения – вседозволенность и демонизм – успешно вписались в революционный беспредел, породив чудовищную жестокость. Как известно, жестокость является порождением страха. Страх переносится на Другого, общество и обретает в душе человека постоянное присутствие. Страх вносит в дух и чувства хаос; он обуславливает неизбежное одиночество. Не менее опасной стороной уединения является определенность и статичность. Эти признаки лишали образ изменчивости, делая его неподвижным. Изменялась лишь форма (личина). Сущность оставалась неизменной. Так мыслится популярная идея вечного круговорота истории применительно к образу человека. Подобное мирозерцание и понимание человека окрашивало его восприятие в безысходно-трагедийные тона. Драматизмом проникнуты проблемы, требующие разрешения. Например, проблема свободы личности трактуется в категориях необходимости и невозможности. В лучшем случае свобода достигается одиночеством и уединением. Тогда обесмысливаются любые проявления социальной активности. Остается потребность в мечте и чуде; она порождается неосуществимой надеждой. Человеческая личность борется с неутолимыми потребностями и неизбежностью самозапрета (подавления). В образе человека отразилось состояние вечной неудовлетворенности и ожидания. В соответствии с образом общественное сознание неадекватно воспринимало реальность, прогнозируя мистифицирующие перевоплощения различных типов личности: от обитателей дна до деятелей государственного масштаба. В итоге общественное сознание потеряло “чутье”.

Несмотря на присутствующий мотив духовного пробуждения, замкнутость духовного существования определяет мирозерцание человека. Образ не субъективен. Субъективны переживания, чувства, т.е. внутренний мир. Внутренний хаос не мо-

жет быть преодолен сознанием, которое само находится в состоянии неопределенности. Разрыв природного и духовного, поиск путей гармонии – распространенная проблематика общественной мысли на рубеже XIX-XX веков не только в России, но и в Европе имела различные интерпретации, но так и не была разрешена. Символическое разрешение противоречия – ожидание чуда, которого не происходит. Ожидание чуда превращается в самообман. Иллюзии самообмана лишают человека активного начала. Пассивность ожидания обуславливает непредсказуемые психологические метаморфозы, которые происходят в людях. В частности, обнаруживается доминирование сферы бессознательного в поведенческих реакциях человека, которые становятся не прогнозируемы и иррациональны.

Господствующие в общественном сознании настроения перемен определили пафос самосозидания “новой” личности с перспективами интеграции в “новое” общество. Общественное сознание жило, по выражению А. Белого, “предощущением нового человека”. Это “предощущение” выражалось в потребности соотносить жизнь с искусством и построить человека в соответствии с его канонами. В этом свежесть образа и его оригинальность. Поэтому нецелесообразно отказывать образу в инновационности подходов. Например, понятие “объективируемая личность”, которая живет по правилам индивидуального творчества, принадлежит А. Белому. Спустя три десятилетия идею объективации интерпретировал и развил известный советский психолог С.Л. Рубинштейн. Впрочем, ставшие вскоре популярными слова и словосочетания (новый человек, новое общество и т.д. и т.п.) вышли отнюдь не из большевистского подполья. Эти понятия переключались в общественное сознание из многочисленных манифестов различных “измов”. Несмотря на пафос обновления, конфликт с необходимостью придает образу трагическую возвышенность. В теоретических построениях

подобный поворот допустим и оправдан, так как придает интеллектуальным комбинациям весомость и повышает их значимость для умственных и логических упражнений. Однако в практической жизни они выглядят ущербными.

Новое означает преодоление старого, отжившего. Ниспровергающее начало доминировало в образе. Деформированность личности казалась всеобщей. Выражалась она своеобразно. Например, в чудачествах как попытке преодолеть разлагающийся быт. Однако подобные приемы оказались слабым лекарством для победы над болезнью. Конфликт рациональности и чувственности продолжался до тех пор, пока были живы его участники. Возврата человека к себе не произошло. Грянули революционные перемены, которые декларировали иные ценности. Поэтому апокалиптические настроения в восприятии образа человека оказались пророческими.

Фоном восприятия общественным сознанием человека и конструирования его образа были массовые протестные настроения и террор, которые инициировались революционерами, не получая решительного отпора по причине господствующих в обществе настроений и порождая безнаказанность. Это подтверждает общепринятое мнение, что одной из причин произошедших в России революционных потрясений начала XX века явился кризис во взаимоотношениях между властью и общественностью.

Образ человека представляется символом его сущности: проблем, идей, рефлексии, настроений, интеллектуальной и психологической жизни личности, вpleтенной в социальный контекст. Создаваемый общественным сознанием образ ассоциативен и многоцветен; он отражает общественные ожидания и выражает их посредством своих сущностных характеристик, оттенков чувств и настроений субъективно достоверных, но объективно сомнительных в силу отсутствия доказательности и обоснованности. То же можно сказать о диалогических связях

образов, отраженных в массовом сознании и не осознаваемых их носителями, не воспринимаемых ими как реально существующие и оказывающие воздействие на людей в бытийном плане. Образ человека находится между индивидуальным и массовым восприятием; он связывает, роднит и разъединяет одновременно. Общение – диалог образов представляется в качестве попытки взаимодействия человека и общества посредством образов и преодоления их разобщенности; попытки нащупать точки соприкосновения интересов. Целью создания и укoрeнения образов в общественном сознании является продвижение общества к “ладу”. Образ человека, запечатленный общественным сознанием рассматривается как попытка связать напряженно – личностное восприятие социально – событийного действия – противоречивого и драматичного – со страстным желанием сохранить душевное равновесие и соблюсти духовный паритет, допускающие ситуацию социального сосуществования как непреодолимого препятствия на пути социальной катастрофы. Действенность образа человека – в восстановлении утрачиваемой духовности, в одухотворении человека, объединении людей на основе солидарности и сотрудничества.

В общественном сознании на рубеже XIX-XX веков образ человека отразился через атмосферу ожидания, неустойчивости и тревог, что усугубляло его противоречивость. Такому образу недоставало уверенности в собственных силах и значимости как субъекта культуры и социальных отношений. Образ человека оказался встроен в образ утопического будущего, контуры которого были размыты, а осуществление неизбежно. Равно как и неопределено то “синтетическое” лицо, которое явится “материалом” для построения этого будущего. Общественное сознание страдало одним существенным изъяном: отсутствовало социально – философское осмысление и освоение конкретной современной жизни России и русского общества. Появление “Вех”

оказалось запоздалым, а их влияние совершенно недостаточным для корректировки общественного сознания. Тем не менее попытки вжиться в современную действительность оказались более или менее продуктивными в социальном и политическом содержании, но не смогли переломить стереотипы восприятия образа человека, сложившиеся на рубеже XIX – XX веков.

Стремление к универсализации образа человека размывали социально ориентированные представления о социальном субъекте, формирующемся в конкретных исторических обстоятельствах. Обобщенный образ человека высоких духовных устремлений носит нормативно – идеализирующий характер; символично и его восприятие; ориентированное потенциалом преодоления, а не данностью бытия. Это ориентир на преодоление необходимости, содержание которой закрепились в сознании как традиция.

Основой создания образа человека в общественном сознании являлось историко-философское начало, которое нашло отражение в художественной литературе, в частности, в поэтических произведениях А.А. Ахматовой, В.Я. Брюсова, О.Э. Мандельштама и других поэтов Серебряного века. В их лирике представлена символика камня и архитектурных образов – “не просто лирические зарисовки величественных зданий, но символы укрепляющих человеческий дух твердых, разумных начал, продуманного, уравновешенного и терпеливого самостроения личности, символы внутренних “крепостей”, защищающих человека от аморфности, неопределенности, волевой расслабленности, хаоса иррациональности” [8, С. 200].

Образ человека сложился как отражение отражений. Конкретный человек находил отражение в художественных образах (литература, искусство), а затем “получал прописку” в общественном сознании. Иначе говоря, обуславливался в большей степени сферой воображаемого и желаемого, чем действительного. Эта конструкция оказалась во многом

искусственной. Поэтому образ человека содержал крайности – от уединения до потребности отдаться во власть жизненным стихиям. Отмеченные крайности являются еще одним свидетельством неопределенности образа, не сумевшего определиться в собственных приоритетах общественного сознания порубежья. Поэтому не случайно образ легковесен, не внедрен в жизнь, не укоренен в ней, а значит, поверхностен и неглубок, что осложняет его восприятие и осмысление, лишает его действенности. Образ лишается мотивирующей силы.

Общественное сознание было настроено на мимолетное восприятие человека. Вопрос о соответствии воспринимаемого сущностным характеристикам современного человека поставлен не был. Оказалось, что видение предмета важнее состояний самого субъекта. Это мировосприятие укоренилось в XX веке и благополучно дожило до наших дней. В его содержании – погоня за любым интенсивно прожитым мгновением жизни, “острыми ощущениями”. Такова культура индустриального и постиндустриального общества потребления [9]. Мгновенность и точечность – приоритеты импрессионистического образа, который предполагает признание самоценности субъективных впечатлений личности. С одной стороны, это дает преимущество в выражении динамичных состояний личности; с другой – позволяет наделять субъекта произвольным видением, сомнительностью трактовок, фрагментарностью анализа, что разрушает целостность личности и деформирует ее восприятие, лишая способности к самоанализу и провоцируя ущербность.

Образ человека складывался из отношений личности к себе, Другому, истории Отечества, обществу, природе и революции. Обратим внимание на малоизученный аспект отношений личности и культуры на рубеже XIX-XX веков. Российская культура к началу столетия не являла собой культуру кризиса, отчаяния или протеста, как это принято считать в большинстве культурологических исследова-

ний. Напротив, русская культура переживала расцвет, осознавая свое величие. Тем не менее имелись признаки, которые свидетельствовали о недостаточной действенности культурных ценностей на формирование представлений об образе человека и базовых конструктов личности. Не удивительно, что в беллетристике поднимались вопросы о конфликтах науки и искусства, о неравномерности развития культурных сфер, значении культурного наследия и т.д. Отношение к культуре шло по линии разграничения философско-просветительских школ и направлений. Идеологическая составляющая также в немалой степени определяла эти отношения, не являясь определяющей. Зарождается впоследствии ставший глобальным проект “личность и культура”, который внес новые черты в образ человека, подвергнув представления о нем существенной корректировке и серьезно обогатив и расширив его содержательные характеристики.

46

Одной из таких характеристик явилась попытка вывести человека за пределы этических и моральных норм, способствуя, таким образом, разрушению традиций отечественной культуры. Попытка перенести теоретические схемы бесконечного “расширения” личности, в границах которого оказались неразличимы добро и зло, правда и ложь, способствовали не спасению личности, а ее саморазрушению. Широта образа человека, получившего отражение в литературе и искусстве, обрекала реального человека на пустоту, формируя нигилистический тип личности, который оформился к началу XX века и стал массовым. Разворот к неорусскому стилю не оказал решающего влияния на базовые ценности человека, вероятно, в силу кратковременности и недостаточной распространенности, что было естественно для Империи, опасавшейся роста национального самосознания, в том числе и государствообразующей нации. Тем не менее преимущественно в художественные (литературные и живописные) образы проникли без труда узнаваемые черты

историзма в виде аналогий и смыслов. Начинает бурно развиваться историческое сознание на основе переклички эпох. Трудно замечаемая современниками опасность подобных конструкций – аллюзий с высоты прошедшего века видится в игнорировании обостряющихся проблем настоящего. Общественное сознание находило вполне удовлетворительным состояние, когда образ человека создавался на основе синтеза исторического знания и утопии. Подобные конструкты таили в себе опасность, которая обществом не осознавалась. “Выход в будущее через переработку прошлого” (И.Ф. Анненский) оказался заблокированным. Возобладал принцип разрушения прошлого и отказа от его ценностей. Ожидаемого “возрождения” личности на основе культурного синтеза не произошло. Культурный ренессанс, сопровождающийся появлением соответствующего человека, был ожидаем Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, Д.С. Мережковским, В.В. Розановым и другими выдающимися философами и деятелями культуры. “Возрождение” человека интерпретировалось субъективно, но мыслилось одинаково, как восстановление сильной личности, наделенной демоническими свойствами. Впрочем, героизация была широко распространенным явлением [10]. Более реалистичная и прагматичная цель – освобождение личности от лжи иллюзий на основе преемственности культурных традиций – поставлена не была. В частности, образу человека недоставало религиозного самосознания, которое оказывало гармонизирующее влияние на личность и олицетворяло собой объединительное начало, что, наряду с толерантностью, объединяло этносы, проживающие на территории Российской империи.

46

Образ человека интегрировал в себе высокое сознание, которое обеспечивало цельность человеческой личности [11]. Для такого сознания рационализм оказался не востребуемым. Вероятно, подобное положение объясняется тем, что образ олицетворял пессимизм и отчаянную усталость. Надежды на активность

блокировались психологией упадка, выражающейся в отсутствии потребности в деятельности.

Исторический и культурный перелом вызвал к жизни скептические уmonoстроения, которые определяли специфику мировосприятия как исчерпанности бытия, сопровождающуюся крушением не оправдавших надежд кумиров. В этом видится первопричина трагичности образа человека, который утвердился в общественном сознании. Образ человека наделялся неразрешимыми противоречиями, которые определяли общественные отношения. Подобные экстраполяции укрепляли тезис о несовершенстве социальных отношений и их неполноценности. Один из выходов в создавшемся положении находился в иронии, которая усиливала потребность в саморефлексии как способе выявления этих несовершенств. Причем подобная направленность не являлась частным случаем зараженных пессимизмом интеллектуалов; она становится способом мышления, приобретшим широкое распространение. Пределы иронии расширяются настолько, что отрицают любой позитивный принцип, не лишенный, а состоящий из внутренних противоречий, как и полагается в соответствии с законами диалектики. Ирония глубоко субъективна; она не только самоутверждает и самовозвышает, но и содержит потенциал саморазрушения. В этом опасность иронии.

Образ человека был призван обнажить противоречия между реальностью и призрачностью. Именно на рубеже XIX – XX веков возрождается символика балагана и декоративного оформления жизни. В этом видится попытка расширить смысловое пространство и привлечь театральность в качестве иллюстрации ненатуральности. Ирония наполняет общефилософскую проблематику, в частности, ею сопровождается поиск смысла человеческой жизни. Применительно к индивидуальной судьбе ирония может быть принята в качестве необходимого способа с достаточно ограниченными возможностями. Не следует, однако, за-

бывать, что ироническое и трагическое оказывается в жизни человека совсем рядом. Ирония оказывается недопустимой, когда разворачивается трагедия; она становится кошунством.

Ирония служила пафосу разрушения, декларируемому как способ освобождения от лжи. Однако разрушение не содержит в себе истину и поэтому предлагает взамен фантазии. Фантазия беспомощна. И на этот раз не удалось найти лекарства от одиночества, которое усугубляло человеческую разобщенность и блокировало проявления солидаристических установок. В образе человека едва просматривается его социальное измерение. И это при том, что поворот к социальной проблематике позволяет изменить направленность и укрепить чувство индивидуальной ответственности за сохранение традиционных устоев общественной жизни.

Образ человека, несмотря на ницшеанский пафос, сохранил моральные императивы, одним из которых являлась совесть. Совесть интегрирована в самосознание и способствует саморефлексии; она карает не только за несовершенное добро, но и за равнодушное отношение ко злу. Совесть как духовно – этическая категория многомерна и может интерпретироваться как уклонение от борьбы, непротивление и т.д. Тонкости восприятия образа человека имели своим результатом логические парадоксы, искажающие представления о человеке и актуализированные в словосочетаниях, получивших широкое распространение в русском литературном языке: злая радость, наслаждение муками и т.д. Усвоение их смысла способствовало привыканию общественного сознания к жестокости и злорадству. Образы несвободных, вышедших из настоящей жизни “куклышек”, которыми можно безнаказанно играть, оставаясь безучастными к их судьбе, прочно укоренились в общественном сознании. Преобладающим явилось настроение, в соответствии с которым допускалась жертва личности ради “живительной” и “творческой массы”.

Обострившийся интерес к отечественной истории, популярность неорусского стиля в искусстве способствовали формированию исторического сознания и расширили горизонты интереса к истории, в том числе и античной. Обращение к античному наследию, включая наивные языческие верования и многобожие, приводило человека к мистическому пантеизму с его домогательствами высшего смысла, не способного, впрочем, устранить противоречия человеческого духа и бытия антогонистических по своей сути. События 1905 – 1907 гг. усилили религиозную составляющую образа, но принципиального поворота в общественном сознании не произошло, несмотря на существенное присутствие интеллектуально – волевого начала, которое, однако, имело преимущественно творческую направленность. Идея культурных “скреп”, актуализированная в начале XX века, звучит не менее актуальной в начале века XXI-го. Эта идея подразумевает использование культурных возможностей для духовного скрепления общественного сознания.

Пробуждающееся историческое самосознание готово было стать главным критерием в восприятии образа человека. Человеческая личность воспринималась внутренне разобщенно и фрагментарно. Иначе и быть не могло, так как личность не осмысливалась целостно, потому что не являлась таковой. Духовная разобщенность соотносилась с социальной апатией. Социальные отношения, в которые образ оказывался включенным, виделись общественному сознанию ущербными. В вину им вменялась губительность для человека. Для личности главным врагом объявлялся “деспотический” режим. Это с одной стороны. С другой – образ человека превратился в символ человека распада. Эгоцентризм своенравной личности также являлся причиной ее разрушения. В господствовавших убеждениях заключалось неразрешимое противоречие. Может ли своевольная личность сложиться и существовать в “деспотическом” государстве? Насколько велика сила “деспотиз-

ма”, позволившая личности своеволие?

Образ человека в общественном сознании рубежья трудно согласовывался со сложившимися социальными отношениями. Вероятно, по причине того, что сформировавшийся образ представлялся вне современного общества, не в непосредственном отношении к нему, а как нечто отвлеченное и опосредованное. Способы восприятия человека надличностны; они основаны на связи человека с “целым миром”. Образ человека рубежа XIX-XX веков синтетичен; он разделен противоположностями. Романтический флер примирения противоположных начал – свободы и долга, радости и горя – оказался неспособным спасти личность от разрушения. Это образ абсолютной личности, которая пренебрегает реальными делами и поэтому остро переживает бесцельность своего существования. Это образ человеческой неопределенности. Это образ с душой, ушедшей в себя. Человек, для которого мир, по выражению А.А. Блока, “балаган” и “позорище”. Поиски “подлинного” мира дали неожиданный результат, явившейся в образе “революционной диктатуры”. Воистину игры разума породили чудовище.

Болезнь “исканий” вне контекста потребностей “молчаливого большинства” поразила активную часть русского общества в канун грозных испытаний. Завышенные требования общественного сознания к сложившимся реалиям, непреодолимое желание моментальных перемен пагубно сказалось на восприятии общественным сознанием человека и конструировании его образа. Образ личности оказался обособлен и половинчат. Именно русская общественная мысль на рубеже XIX-XX веков обозначила драму человека XX века – его раздвоение; внутреннего желания целого и внешней фрагментарности импульсивных действий. В образе человека наглядно проявляется двойственность: народа и интеллигенции, нашедшая преломление в действительности и мечте – иллюзии.

Подобный образ не обнаруживает

готовности к социальным действиям, к ответам на вызовы, угрожающие его безопасности, в силу отсутствия психологической готовности к смене социальных ролей. Это свидетельство обезличивания человека, отсутствия индивидуальности – общественной определенности, что и отразило общественное сознание российского общества рубежа веков. Образ лишен целостности; он деструктурирован, фрагментарен и множествен. Ущербность образа состояла в том, что он игнорировал социально – исторические характеристики человека и выражал субъективные представления элитарной части представителей общественного сознания, ошибочность которых имела катастрофические последствия для русского общества и человека.

Переломная историческая эпоха будоражила общественное сознание, инициировала всеобщий пересмотр ценностей, преломляла в себе образ “витязя на распутье” и одновременно усиливала симптомы неопределенности в сознании личности, неясности индивидуальной судьбы и перспектив общественного развития. Поиск устойчивого состояния как основы стабильности и непреодолимого барьера предчувствию надвигающейся катастрофы требовал опоры в отечественной истории и культуре, а не мифологизированной античности, с ее многобожием и риторичностью. В образе человека опора на прошлое давала возможность заглянуть в будущее. Однако предоставленная возможность не явила продуктивность, так как плоскости исторического времени оказались несоединенными, несмотря на концепцию единства культур.

Образ человека, отраженный общественным сознанием рубежа XIX-XX веков, ценен тем, что познает многообразие мира посредством самопознания внутреннего многообразия человеческого “Я”. В этом его оригинальность и специфика. Образ инициирован пафосом

новизны, изменчивости и динамики существования. Магистральное направление эволюции образа в его углублении и усложнении. В тоже время человеческое “Я” в образе выступает как абсолют замкнутый в самом себе; в нем стирается различие между добром и злом, правдой и ложью, что выглядит смелым и новаторским в экспериментах изысканного ума. В действительности это представляет серьезную опасность, так как уравнивает безумие и разум. Подобный релятивистский пафос объективно трансформируется в безучастие, переходит во внутреннее состояние личности. К этому следует добавить преломляющиеся в сознании ожидания перемен и страх перед ними.

В общественном сознании рубежья появляется значимый критерий жизни – интенсивность. Интенсивность связывается с проявлением жизненной силы. Впрочем, чаще речь идет об интенсивности жизнеощущений, наполненных гедонистическим содержанием.

Реализуемый в образе человека принцип “расширения” индивидуального бытия посредством погружения в многоцветье жизненной стихии и критерий интенсивности сыграли с их адептами злую шутку в виде исторического банкротства и авторского забвения. Но эти потери ничтожны по сравнению с утратами, понесенными российским обществом, обречшим себя на рассеяние как непомерную плату за ложные идеалы. Но что можно было ожидать от пафоса искажения, а не свершения? Реальное наполнение пафосного образа оказалось весьма скромным, а действенность общественного сознания весьма низкой. Цельным и активным образ человека остался в общественном сознании, так и не реализовав имеющийся потенциал с достаточной полнотой. Поэтому образ человека рубежа веков вызывает сочувственное участие собственной обреченностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М. : Сов. Энциклопедия, 1989. 1632 с.
2. Меньчиков Г.П. Детерминизм XXI : проблемы и решения. М. : Спутник, 2015. 96 с.
3. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Репринт.воспр. изд. 1909 года. М. : «Новое время», «Горизонт», 1990. 211 с.
4. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : В 10 т. Т У1 : И – О. СПб. : Азбука – классика, 2007. 592 с.
5. Новая философская энциклопедия : В 4 т. / научно-ред. совет : предс. В.С. Степин. Т. 3. М. : Мысль, 2001. 692 с.
6. Мережковский Д.С. В тихом омуте : Статьи и исследования разных лет. М. : Советский писатель, 1991. 496 с.
7. Розанов В.В. Уединенное. М. : Политиздат, 1990. 543 с.
8. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М. : Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
9. Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура : Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. 2-е изд., доработ. и доп. М. : Политиздат, 1985. 399 с.
10. Сироткин Л.Ю. Человек в России на рубеже XIX-XX вв. : штрихи к диагностическому портрету // Личность, общество, культура: сборник научных трудов. Казань : Изд-во КГУКИ, 2014. С. 159-167.
11. Анненский И.Ф. Книги отражений. М. : Наука, 1979. 679 с.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в электронном журнале «Ученые записки Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается 2 раза в год.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в электронный журнал

«Ученые записки Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
 2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
 3. К статье соискателя, адъюнкта, аспиранта должна быть приложена рецензия научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
 4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
 - заглавие публикуемого материала;
 - индекс УДК;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.
 5. Объем статьи – от 5 до 10 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
 6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
 7. Статья должна быть подписана автором, а также в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю»
- Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.
- С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов. Этим же договором автор гарантирует, что является обладателем исключительных прав на представляемое произведение.
- К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.
- Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.
- Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, версий английского перевода, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.
- Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru, с пометкой «Для электронного журнала»).